

Провинция у моря – 2014

Сборник произведений участников
IV Международного арт-фестиваля
«Провинция у моря – 2014»

Ильичевск, 2014

ББК 84 (4Укр-Оде)6
П78

Редакционная коллегия сборника:

И. Василенко, С. Главацкий, Л. Шарга

П78 Провинция у моря – 2014. Сборник произведений участников IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря». – Одеса – Елтон – 2014; Іллічівськ – Гратек – 2014 – рос. м. - 228 стор.

ISBN 978-966-2430-49-3

Фото на обкладинці - Сергій Гунько
Фотографії у збірці - Катерина Гаврилюк

ISBN 978-966-2430-49-3 © Редакционная коллегия
(состав, вступительная статья), 2014
© ООО «Элтон», 2014
© ООО «Гратек», 2014

**IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ
АРТ-ФЕСТИВАЛЬ «ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ – 2014»
(29 августа, Одесса – 7 сентября, Ильичёвск)**

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

В четвёртый раз строчка из «Писем к римскому другу» Иосифа Бродского, давшая название фестивалю, объединяет друзей из разных стран.

Впервые «Провинция у моря» прошла в 2011 году, в 2012 году программа фестиваля вместила около 20 разноплановых мероприятий, а в 2013 году – более тридцати. В нынешнем, 2014 году, «Провинция у моря» продолжает свои традиции. Арт-марафон начнётся 29 августа в Одессе, а закончится 7 сентября в Ильичёвске. Творческие вечера и презентации, музыкальные вечера и спектакли, фотовыставки и «Книжная лавка» писателей, буккроссинг и «свободный микрофон» ждут гостей фестиваля. Программу дополнит открытие мемориальной доски Марины Хлебниковой (Деминной) – поэта и драматурга. Вы сможете побывать на Дне города в Одессе, на Празднике цветов в Ильичёвске, увидеть церемонию открытия второй «Потёмкинской» лестницы в Ильичёвске и многое другое. Неотъемлемой и немаловажной частью нашего фестиваля являются: море, солнце, песок, и в них недостатка не будет. Вход на все мероприятия фестиваля остаётся свободным.

Организаторами IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2014» стали **Южнорусский Союз Писателей**, проект «**Территория I**», **Литературный портал «Графоманам.нет»** и **ЛИТО им. В. Домрина**. В оргкомитет вошли люди, без которых фестиваль не мог бы состояться: Председатель Южнорусского Союза Писателей **Сергей Главацкий**, руководитель проекта «Территория I» и редактор портала «Графоманам.нет» **Ирина Василенко**, Председатель ЛИТО им. В. Домрина **Леонид Кулаковский**, руководитель фотоклуба, фотохудожник **Андрей Данилишин**, руководитель

творческого объединения «Аргонавты» **Александр Бедикян**, член Правления Южнорусского Союза Писателей, редактор сайта творческой гостиной «Diligans» **Людмила Шарга**, музыкант **Сергей Кравчук**, председатель «Союза студентов г. Ильичёвска» **Ирина Гавлицкая**, представители молодёжных и творческих организаций **Юлия Петри**, **Владислав Киреев**, **Мария Чугунова** и поэт, фотограф **Мария Луценко**. А площадка, любезно предоставленная главным редактором литературного портала «Графоманам.нет» **Алексеем Порошиным**, по-прежнему является официальной страницей фестиваля. Кроме этого, в этом году фестиваль обзавёлся собственным домом – <http://province.do.am>. Добро пожаловать! На этих ресурсах можно ознакомиться с программой фестиваля.

Неотъемлемой частью фестиваля, одной из основных его составляющих, несомненно, является международный поэтический конкурс. В этом году он назван строкой И. Бродского из стихотворения «По дороге в Скирос» – «И ляжет путь мой через этот город...». В состав жюри вошли как знаковые фигуры в пространстве литературы, руководители крупных литературных проектов, так и авторы, ярко заявившие о себе в последние годы: Станислав Айдинян, Алексей Котельников, Евгения Баранова, Александр Петрушкин, Ольга Ильницкая, Константин Кедров, Александр Семькин, Кирилл Ковальджи и Александр Хинт. Председателем жюри, как и в прошлом году, стал Президент «Союза писателей XXI века» Евгений Степанов.

В конкурсе приняли участие более 360 авторов из 17 стран – Украины, Беларуси, Казахстана, Германии, России, Греции, Израиля, Италии, Канады, Латвии, Нидерландов, Молдовы, США, Узбекистана, Франции, Чехии, Черногории, также из Крыма и Приднестровья. В связи с неожиданной и приятной активностью конкурсантов, шорт-лист конкурса был расширен до 45 человек. В него вошли авторы из Италии, Украины, Беларуси, Греции, Италии, Канады, России, Молдовы, США, Черногории, Крыма и Приднестровья. Их имена мы называем в алфавитном порядке:

1. Алексей Абраменко (Киев, Украина)
2. Ксения Александрова (Одесса, Украина)
3. Дмитрий Артис (Санкт-Петербург, Россия)
4. Александр Асманов (Москва, Россия)
5. Мария Банько (Киев, Украина)
6. Юлия Баткилина (Харьков, Украина)
7. Виктория Берг (Калининград, Россия)
8. Юрий Бердан (Нью-Йорк, США)
9. Любовь Василенко (Керчь, Крым)
10. Дарья Веретина (Мичуринск, Россия)
11. Лев Визен (Виктория, Канада)
12. Анна Галанина (Москва, Россия)
13. Юрий Гельман (Николаев, Украина)
14. Ирина Дежева (Одесса, Украина)
15. Андрей Дмитриев (Бор, Нижегородская обл., Россия)
16. Павел Златов (Бровары, Украина)
17. Роман Казимирский (Бар, Черногория)
18. Андрей Катрич (Сумы, Украина)
19. Владимир Кац (Одесса, Украина)
20. Роман Кожухаров (Гирасполь, Приднестровье)
21. Борис Косенков (Калининград, Россия)
22. Юлия Котлер (Керчь, Крым)
23. Ольга Кочнова (Тверь, Россия)
24. Таня Кузнецова (Москва, Россия)
25. Леонид Кулаковский (Ильичёвск, Украина)
26. Ольга Лебединская (Днепропетровск, Украина)
27. Майка Лунёвская (Берёзовка, Тамбовская обл., Россия)
28. Анна Маркина (Москва, Россия)
29. Анатолий Марущак (Херсон, Украина)
30. Юлия Мельник (Одесса, Украина)
31. Юлия Морозова (Санкт-Петербург, Россия)
32. Наталья Пейсонен (Рим, Италия)
33. Леонид Поторак (Кишинёв, Молдова)
34. Николай Прокофьев (Москва, Россия)
35. Елизавета Радванская (Киев, Украина)
36. Елена Росовская (Одесса, Украина)
37. Тамила Синеева (Киев, Украина)
38. Светлана Солдатова (Москва, Россия)

39. Анна Стреминская (Одесса, Украина)
40. Валерий Сухарев (Одесса, Украина)
41. Юрий Татаренко (Новосибирск, Россия)
42. Лола Ува (Донецк, Украина).
43. Ася Шевцова (Харьков, Украина)
44. Татьяна Шеина (Радошковичи, Беларусь)
45. Екатерина Янишевская (Салоники, Греция)

Ещё одно отличие конкурса нынешнего года: названы имена победителей первого, дистанционного конкурса; ими стали Дмитрий Артис (Санкт-Петербург), Юрий Бердан (Нью-Йорк) и Ксения Александрова (Одесса); Лауреаты конкурса – Виктория Берг (Калининград), Дарья Веретина (Мичуринск), Ольга Кочнова (Тверь), Елена Росовская (Одесса), Светлана Солдатова (Москва), Татьяна Шеина (Радошковичи, Беларусь) и Екатерина Янишевская (Салоники). Мы с радостью ждём их и других финалистов конкурса в приморском уютном Ильичёвске для участия в **Основном поэтическом конкурсе**, анонимном **Конкурсе одного стихотворения**, **Поэтри-слэме** и других заключительных мероприятиях фестиваля, которые пройдут 5-7 сентября 2014 года.

Информационными партнёрами арт-фестиваля в 2014 году стали Евразийский журнальный портал «Мегалит», литературно-информационный портал «Пиши-Читай», поэтический альманах «45 параллель», Объединение Русских ЛИТераторов Америки «ОРАЛТА», информационный портал «Одесский обозреватель», газета «Вечерняя Одесса», сайт города Ильичевска «04868.com.ua», газета «Вечерний Ильичёвск», Первый одесский онлайн-портал «01.ua», телекомпания «ИТ-3», интернет-портал «ЛИТФЕСТ», интернет-портал «Графоманам.Нет», интернет-портал «Myfest.ru», интернет-портал «Глобус Одессы», интернет-журнал «Эрфольд», литературный портал «ТЕРМИТник поэзии», информационный портал «Таймер», интернет-проект «Видеомост», литературная гостиная «Diligans», информационный портал «Русские в Молдавии», паблики в ВК – «Южнорусский Союз Писателей», «Таланты Ильичёвска», «Вечерний Ильичёвск», «Ильичёвск, как он есть», «Проект Территория Ъ», «Литературное объединение им. В. Домрина».

Официальное открытие IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2014» состоялось 29 августа в 14.00 в Золотом зале Одесского литературного музея.

Древняя пословица гласит: «Когда говорят пушки, Музы молчат». Мы считаем иначе: «Когда говорят пушки, Музы не должны молчать. Они должны говорить ещё громче, и тогда пушки умолкнут».

Территория «Провинции у моря» объявлена территорией Мира! Каждый, ступивший на эту территорию, находится вне политики, вне вражды, вне войны. Мы признаём только один язык – язык Творчества и Созидания.

***Прощай, «Провинция у моря – 2014»!
Здравствуй, «Провинция у моря – 2015»!
До новых встреч, дорогие друзья!***

*Оргкомитет IV Международного арт-фестиваля
«Провинция у моря – 2014»*

**ОРГКОМИТЕТ И ЧЛЕНЫ ЖЮРИ
IV МЕЖДУНАРОДНОГО АРТ-ФЕСТИВАЛЯ
«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ – 2014»**

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Москва

Поэт, прозаик, литературный критик, издатель, культуролог. Президент Союза писателей XXI века, член Президиума МГО СП России и Правления Союза литераторов России. Также входит в Союз писателей Москвы и Пен-Клуб. Генеральный директор Холдинговой компании «Вест-Консалтинг».

Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института в 1986 году по специальности «французский и немецкий языки», Университет христианского образования в Женеве в 1992 году, экономический факультет Чувашского государственного университета в 2004 году по специальности «финансы и кредит» и аспирантуру факультета журналистики МГУ в 2004 году.

Издатель-главный редактор журналов «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер» (Санкт-Петербург), газет «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), Интернет-издания «Персона ПЛЮС» и других СМИ. Соиздатель и заместитель главного редактора журналов «Крещатик» и «Знание-сила. Фантастика».

Лауреат Отметины имени Отца русского футуризма Д. Д. Бурлюка, международного фестиваля FEED BACK (Румыния), фестиваля имени В. Хлебникова ЛАДОМИР (Казань). Фонд имени В. П. Астафьева (Красноярск) признал Евгения Степанова в 2008 году в числе 11 лучших писателей России.

Как поэт, прозаик, критик, мемуарист, интервьюер печатался в журналах, альманахах и газетах: «Дети Ра», «Крещатик», «Знамя», «Дружба народов», «День поэзии», «Поэзия», «День и Ночь» (Красноярск), «Вопросы литературы», «Литературная учеба», «Юность», «Слово», «Новый берег», «Журнал Поэтов», «Членский журнал» (Нью-Йорк), «Столица», «Крещатик», «Российский колокол», «АКТ» (Санкт-Петербург), «Черновик» (Нью-Йорк), «Литературная газета», «Литературные известия», «Поэтоград», «Литературная Россия», «Ex libris НГ», «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Собеседник», «Совершенно секретно», «Семья», «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Московский комсомолец» и во многих других. Автор 10 книг стихов, прозы, выпущенных в России и за рубежом, а также культурологических монографий «Плакаты Госстраха как социокультурное явление» (М., 2003), «Карманные календари Госстраха» (М., 2004), «Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция» (М., 2006). Переведен на английский, французский, немецкий, румынский, болгарский языки.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПОЭТОВ

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

всё бессмысленней всё бесполезней
жизнь моя на земле
это время дождей и болезней
это полное время после-

дней опальной нахальной надежды
между *там* и не-*там*
на душе – ведь она без одежды –
отпечатались благость и хлам

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МЕЖИРОВА

хорошо здесь – на даче – мы спим
улыбаясь – а там – недалече
артиллерия
бьёт
по своим
и своих убивает-калечит

мы поедем – наверное – в Крым
а пока – о мой праведный Боже –
артиллерия
бьёт
по своим
и – по мне – получается – тоже

ПАМЯТИ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

эти фобии страхи
точно красный террор
каждый день как на плахе
ждёшь и ждёшь приговор

жизнь моя — это битва
стихийный — во мне
слава Богу молитва
не сгорела в огне

слава Богу не хилый
я не рухнул плашмя
о мой Боже помилуй
мя

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ ШПАЛИКОВА

а жизнь моя проходит и пройдёт
а путь земной как подобает краток
и радости давно наперечёт
и мне пошёл увы шестой десяток

а жизнь моя течёт точно во сне
Господь и дьявол обо мне судачат
умру — страна не вспомнит обо мне
но обо мне фейсбуквцы заплачут

ПАМЯТИ МИХАИЛА ПОЗДНЯЕВА И ТАТЬЯНЫ БЕК

отгорели ушли отлюбили
у(при)вела путеводная нить
по какой современной мобиле
мне товарищи вам позвонить

там наверное солнце и розы
там наверное тишь благодать
а про здешние метаморфозы
я теперь предпочёл бы молчать

помолчим пообщаемся молча
хоть земные слова хороши
но милей электронная почта
электронная почта души

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ПРОКОШИНА

Тетка с косою приходит непрошено –
Стол накрывай второпях.
Тихое слово Валеры Прокошина
Нынче звучит в небесах.

Лучшим поэтам немного отмерено
Лет и удачливых дней.
Тихое-тихое слово Валерино
Всё почему-то слышней.

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

Москва – Одесса

Искусствовед, художественный критик, литературовед, искусствовед, писатель, поэт. Член Союза российских писателей, член Союза писателей-переводчиков, член Южнорусского Союза Писателей, член Конгресса литераторов Украины. Вице-президент по связям с общественностью Творческого союза профессиональных художников (Россия). Главный редактор одесского литературно-художественного журнала «Южное Сияние» (с 2011 г.). Научный сотрудник и член ученого совета Литературно-художественного музея М. и А. Цветаевых в Александрове (с 1992 г.).

Родился 13 апреля 1958 г. в Москве, в семье известного певца, народного артиста Армянской ССР Артура Айдиняна, репатрианта из Греции. Окончила филологический факультет Ереванского госуниверситета (1975-81), параллельно учился на курсах искусствоведения в Государственном педагогическом институте русского и иностранных языков им. В.Я. Брюсова. Автор многих статей, посвященных культуре, искусству, современной живописи, выходящих как в России, так и за рубежом. Печатался как писатель, поэт, журналист в газетах, журналах, литературных альманахах на русском и иностранных языках.

Был литературным редактором и секретарём старейшей писательницы России А.И. Цветаевой (1984-93), составил, отредактировал и прокомментировал два тома её известных «Воспоминаний» (2008), составил «Хронологический обзор жизни и творчества А.И. Цветаевой» (2010). Автор десятков публикаций, посвященных жизни и творчеству сестер Цветаевых; вступительных статей к книгам А.И. Цветаевой. Создатель книг прозы – «Подслушанный Фауст» (1993), с предисловием Ю. Мамлеева, своеобразной версии вечной темы; книги новелл «Атлантический перстень» (1994) с предисловием А.И. Цветаевой; сборников стихов «Скаль» (1995); «С душой побыть наедине» (2001), «Химерион» (2002), в котором более 130 стихотворений объединены одной темой; литературоведческих книг «Малый жанр Агаси Айвазяна» (1988), «Константин Бальмонт: в ореоле памяти» (2005). Составитель и редактор литературно-художественной антологии «Одесские страницы» (с 2003 г.) в составе журнала «Меценат и Мир». Переводчик 1-3 песен «Божественной комедии» Данте (журнал «Грани», № 185). Член жюри фестиваля «Славянские традиции» (2010 – 2014).

Награжден медалью Лермонтова «За личный вклад в отечественную многонациональную культуру и укрепление российской государственности», медалью «Профессионал России» за искусствоведческую

деятельность, медалью Чехова за литературные заслуги. Лауреат литературной премии Международного сообщества писательских союзов и Конгресса литераторов Украины им. Юрия Каплана (2012).

Кому – горечь мира и Бог?..
Мы верим, но Авеля Каин
На лунный возводит порог.
Лик неба так тускло печален,
Как бледный смертельно клинок.
Над Каином Авель и Бог...

Где остановка мира и предел,
Где Тишины начало и паденье?
Где начинается и гаснет свет,
И где комет опасное скольжение?
Там остановка мира и предел,
Где все со всем встречается и гаснет,
И там огонь тоскующий горит
На высоте звучащей и прекрасной,
В которой Колокол планет звенит...
Неслышимый и чистотою ясный
Тот, что над сферой ангелов висит...

Крот из норы
Не хочет взгляда в небо,
Пусть птица удивляется ему.

И вышь кричит
Там, у болот, где нежить
 озвучивает тьму...
Закрыты веки глаз полуночного леса,
Там темень то шуршит,
То вдруг мелькнет вдали...
И с неба звездопад
Не освещает местность,
Впадая в забытьё
Вздыхающей Земли.

Когда от солнечных лучей
Величье Бога нисходило,
Мы прозревали суть вещей,
Нас ввысь вздымала Света сила...

Но вот погас небесный свет,
И в час затмения, в час печали
Мы очутились в темноте,
В которой просто одичали...

Привратник мечется,
Он утерял ключи...
А ты – над старой книгою молчи,
И вспоминай «Привал комедиантов», –
Там за вратами мир чужой стучит,
А может лучше утерять ключи,
И тихо утонуть в поэзии вагантов...

Брожу уже давно по белу свету
Как Агасфер, иль древний Аристид
Невыразимою тоской задета,
Душа причалить к мели норовит –
У тех, кто на мели,
Бывает гордый вид...
И по морю бежит дорожка к свету.
Над нею стынет месяц-себарит.
Я всё брожу, брожу по белу свету.

На сломах скал, где тать растворена,
Закат раскинулся багровой колеею
Паденье коршунов – и тихую ладью
Вплывает в мир огромная луна.

Кто вечерней росой омоет?..
Кто кого под дождем укроет? –
Алманты потухших глаз...
Дождь идёт за окном Вселенной,
Тлену – тлен. И приходит первой
Безответная ночь-звезда...
От нее разошлись лучами, –
Токи, сонмы – пребудут с нами
Слов, ниспосланных в даль-снега...
Там, в углу, где коптит лампада, –
Из киота – прощенье взгляда,
За плечами – размах крыла;

Далью даль. Меж полночных бдений
За порогом невозвращений
Мы пребудем за глубиью сна,
Ночь светла. Мы ещё не тени, –
Мы проходим сквозь отраженья,
Отзываясь на шорох дня...

Из звёзд, рассыпанных в рассрочку,
Туманность дней тепло искрится
Из них покажется – то птица,
То мышшь, то зяблик, то куница,
То смысл Вселенной воплотится
В туманно-гаснущем бессмертии.

Ты Свет наматывай на спицы
Своих надежд и сокровений
И в облаках блистает Гений, –
Он, Гений, – Дух...
И гром гремит.
И освещаются пространства –
В них невозможно постоянство:
Стихия по небу летит.

ЕВГЕНИЯ БАРАНОВА

Ялта

Поэт, прозаик, журналист. Родилась в 1987 году в Ялте. Финалист «Илья-премии» (2006). Вторая премия на Международном поэтическом конкурсе «Серебряный стрелец» (2008). Третья премия международного литературного конкурса «Согласование времен» (2010). Дипломант Международного поэтического конкурса «Лужарская Долночь» (2013). Произведения публиковались в альманахе «Ликбез», в «Журнале ПОэтов», жураналах «Новая реальность», «Лампа и дымоход», «Литература», «Дети Ра», «Южное сияние», «Новая Литература», «45-я параллель», «Гостиная», «Пролог» и др. Автор двух книг – «Зелёный Отсчёт» (2009) и «Том 2-ой» (2012). Участник фестиваля «Киевские Лавры» (2009, 2013). Судья Международных поэтических конкурсов «45 калибр», «Провинция у моря». Модератор портала <http://litfest.ru>. Авторский сайт – <http://hoagoa.org.ua>.

НЕ СМОТРИСЬ

Не смотришь в зеркальных карпов.
Не желай себе лисёнка,
вкус крапивы, стук черешен,
солнце – море - каравай.

Потому что память – снится,
потому что память – плёнка,
под которой остывает,
облетает голова.

Не играй с героем в шашки.
Не купи себе журнальчик.
Не кривляйся,
не ломайся,
спи спокойно, как Бальзак.

Вырастает даже репка,
папа, мама, одуванчик.

Вырастает даже кожа,
из которой шьют рюкзак.

Не смотришь в зеркальных карпов!
Не проспи. Не будь занудой.
Не приглядывайся чаще
к отражениям простым.

А иначе сам увидишь
полколоды, четверть чуда,
треть коробки, часть рисунка
и разбитые часы.

И ГОВОРИЛИ

И говорили овцы: «ба!ба!ва!».
И девочки заслуженно старели.
Росли на гидропонике слова.
Чапаеву мерещился Пелевин.

Мой старый мир, мой дивный старый мир
застрял в зубах – початком в молотилке.
Какое лето выдалось! Салгир
так обмелел, что вместится в Салгирку.

Какие вишни! – Вырубленный сад.
Мой Треплев переписывает «Чайку».
Всё хорошо. Никто не виноват.
Обед в обед. Чистейшие лужайки.

Коньяк. Кальян. Коробка курабье.
Веселый старт для быстрого начала.
И говорили овцы: «бе!бе!ве!».
А я молчала. Плакала. Молчала.

ВЕНЕЦИЯ

Я ведаю Венецию свою,
которая, как булка, размокает
в горячем сахаре.
Я медленно пою
всех призраков достойный реликварий.

Церквушки.
Биржа.
Площадь. –
Город спит.–
Вот дождь, вот дождь,
отравленный серьезным.
Растут налоги – крошится гранит
и вьёт туман то портики, то гнёзда.

И Арлекин, и мальвы, и Мальви-
ны-
тые живых в ожоге декораций.
Венеция! Венеция! – Пльви!
Мне сумрачно и странно просыпаться.

Адам уходил на службу к семи утра,
читал Кортасара,
с другом делился пловом.
А Ева любила сына. Её дела
проистекали меж прачечной и столовой.

А Ева любила сына, любила и
сушила молочные зубы в смешной шкатулке.
Неважно, где они жили и чьи огни
не освещали улицу с переулком.

Не важно, чем они жили и сколько зим
сбивалось в снежинки снеговиком мохнатым.
Сразу – малина. Позже инжир, жасмин.
Осенью – грузди, дождевики, маслята.

Красивая Ева. Долгий, добротный брак.
Красивый Адам собирает пластинки Брамса.
«Ты будешь хорошим, очень хорошим, так?»
И маленький Каин радостно улыбался.

ЗАКРОЙ

Закрой мне глаза.
Я увижу орлов, орлиц.
Их высокие гнёзда.
Их головы.
Вальс когтей.
Они кормят птенцов, они падают саблей вниз.
Открываешь глаза – исчезнут, как те и те.

Закрой мне глаза.
Я увижу короткий дом,
все четыре окна, акация, двор, подъезд.
Рукомойник-апрель – и купаются дети в нём.
Открываешь глаза – не выдохнуть здешних мест.
Закрой мне глаза.
Я увижу свою зарю,
свои полные щёки, царапинки, ворох лент.
Я любила тебя, любила, любила, лю...
Открываешь глаза – а юности больше нет

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ

ну что же девочка напиши
приличный-отличный текст
богема отзывом всполошит
издаст тебя или съест

ну что же деточка обезглавь
и выверни и вкуси
какое им дело читатель прав
читателя поскрести

найдешь супермаркет
а то и щи
а то и бикфордов жгут

писатель девочка только щит
и Каин себе и Брут

и брутто и нетто и тишина
запекшаяся в болид
зачем им знать почему война
и кто для чего убит

ИРИНА ВАСИЛЕНКО

Ильичёвск

Поэт. Родилась в Санкт-Петербурге, живёт под Одессой, в небольшом портовом городе Ильичёвске. Закончила филологический факультет Уральского государственного университета. Вместе с друзьями восемь лет назад создала творческий проект «Территория I», в рамках которого и родился арт-фестиваль «Провинция у моря».

Член редколлегии литературного портала «Графоманам.нет», ответственный редактор альманаха «Петербургский богемник».

Автор сборника стихов «Кофейные зёрна»; стихи также публиковались в коллективных сборниках серии «Территория I», в антологии одесской поэзии «Солнечное сплетение», в сборниках «Пространство слова.od.ua», «Формула осени», «Открывая имена», в журнале «Южное сияние», в альманахе «Крылья», газете «Интеллигент», журнале «Фаворит» и т.д.

Победитель III международного фестиваля «Славянские традиции» в номинации «Стихи о любви», обладатель специального диплома международной литературной премии «Золотое перо Руси-2009», финалист Конкурса одного стихотворения им. Р. Казаковой, лауреат ялтинского музыкально-поэтического фестиваля «ЯЛОС» и других поэтических конкурсов. Награждена литературной премией «Славянские традиции».

Член Южнорусского Союза Писателей.

AMADEUS, etc...

...не плачь, не плачь... слова взрывают день,
как вспоротая вена, ранит слово.
ты улыбнёшься (мудро... бестолково...),
легко шагнёшь на новую ступень.

лети, лети – летально крылья жечь.
пока часы двенадцать не пробили,
такая жечь! – забыть глухие штили,
такое счастье! – слышать чью-то речь.

тебе приснится кроличья нора,
песчаные карьеры генералов,
и msk в сумятице вокзалов,
и хмурый Питер – пулей у виска.

вяжи, вяжи из нежности узлы.
нанизывай, как бисер, чьё-то слово.
и амадей откликнется смычково:
здесь невозможно выжить без любви...

И кто-то тебя костерит, ругает, полощет имя, как простыню.
А ты, надменно ведя бровями,
 ни в грош не ставишь всю их грязню.
Смешливо смотришь на лица-маски:
 опять, скрываясь, кого-то пнёт?
Тебе их жалко – у них есть жало,
 вот только осы не носят мёд.
С тобою – утро, корицы привкус,
 горчащий кофе и тёплый взгляд.
Ты засмотрелась опять на небо,
 в котором рифмы, смеясь, шалят.
Добавишь в кофе щепотку соли,
 добавишь в будни глоток сабли...
Пусть мир – как книга, где на страницах
 – излом сюжетов картин Дали –
Ты в Зазеркалье, и хрупок воздух,
 но кто-то держит твою ладонь.
И кто-то рядом, и всё надёжно:
 свеча не гаснет, горит огонь.
Взрывает время мосты и стены –
 и чью-то глупость развеет в прах.
Ты замираешь в Его ладонях,
 и бьётся сердце в Его руках.

MEIN LIEBER

Уходит эпоха, mein lieber, уходит неслышно эпоха,
Домаются судьбы, и в мареве лета осталась лишь кроха
Того, что цепляло, держало, стирало границы
И в руку ложилось пером пролетевшей жар-птицы.

Уходит эпоха, mein lieber, но ты остаёшься со мною.
Как глупо мы колкие дни разбавляли войною,
Сжигали мосты и листали разлук неизбежность,
На краешке лета теряя последнюю нежность.

Mein lieber, my darling, мой свет в запотевшем оконце,
Взгляни: слишком мало любви и надежды – на донце.
Кончается лето, уходит эпоха – легко, по-английски,
А мы остаёмся /без солнца и прав переписки/

В ГОРОДЕ N...

В городе N тихо плавится лето, обрывки снов унося с собой.
Дни, как подкинута монета, в руку ложатся не той стороной.
Ты затерялась в своих вокзалах,
 в рифмах, в отчаянных выражах...
Те, кто когда-то – на пьедесталах,
 ныне и присно – забыты. швах.

В городе N кто-то вылил масло.
 Поздно, мой ангел, уже не спасись.
Повесть дописана, счастье угасло.
 Всё так банально. Молчи и сожмись.
Если вокруг обступает сумрак,
 главное – в сердце зажечь свечу,
Жизнь проглотить, что горька, как микстура,
 и научиться ходить по лучу.
В городе N ночью бродят сказки,

ты не тушуйся – поверь, прими.
Видишь – твой Кай, доставай салазки,
досыта нежностью день накорми,
Чтобы растаяли лёд и чёрствость,
чтобы рассыпался злой навет –
Лишь навсегда позабудь про хлёсткость
слов, что окрашены в ёрный цвет.

В городе N зеркала туманны,
Кофе горчит и горчат слова.
Это провинция, где капканы
странно похожи на кружева.
Где перемешаны, как в коктейле,
сплетни, дороги и чудеса,
Где укрывают, как при обстреле.
Радуйся, детка: пока – жива.

ШТИЛЬ

...Так странно: она всё ещё жива: читает, стирает пыль, смеётся, мурлычет себе под нос, и в жизни – полнейший штиль. она уже почти не грустит, обиды – сожгла дотла, и лишь в стихах с тобой говорит – ты слышишь, наверно, да?

...Она ловит ветер и запах трав и прячет в сундук печаль. Но кожей чувствует пустоту, и знает: безумно жаль, что кончились сказки, где был камин, огонь и, наверно, принц. Осталась лишь пряжа из старых снов... Она из тех мастериц, что выткут новые дни, поверь; заполнят их светом грёз, легко улыбнутся и всё простят, и будут считать всерьёз, что счастливы, живы, и всё о'кей...

и только до тошноты мешает прошлое, где ещё... всегда остаёшься – ты.

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ

Одесса

Поэт, драматург, музыкант. Родился в Одессе в 1983 году. С 2002 г. – председатель Южнорусского Союза Писателей, с 2006 г. – председатель Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины, в 2009-2012 гг. – член руководства Конгресса литераторов Украины.

Выпускающий редактор литературного журнала «Южное сияние», главный редактор литературного интернет-проекта «Авророполис».

Автор более 600 публикаций в изданиях Украины, России и дальнего зарубежья. Живёт в Одессе.

Мне снилось, что ты меня бросила,
И – бросила нехорошо.
Мне снилось, что жить мне до осени.
Хотелось немного ещё.

Мне снилось, что ты повела меня
В дурдом, чтобы больше не знать.
Мне снилось, что я, уже каменный,
Ищу тебя с неба глазами на...
на собственных похоронах.

Проснулся: и правда, что бросила.
И правда, что – нехорошо.
Прошу об одном лишь – чтоб осенью
Среди провожающих оземь иль...
иль тех, что за мной бегут – с косами,
Тебя я глазами нашёл.

С утра пойдёт толчёный снег,
Такой, что толком не увидишь,
Каков – ослепший человек,
Каков – в глазу обрюзгший Китеж.

Лото снежинок сменит лёд.
Воздушным змеем в Третьем Риме –
Ты в мир отпустишь самолёт,
Чтоб он лавировал меж ними.

Не чуя трещин миража,
Не повинясь отраженьям,
Войдёшь в начинку гаража
И станешь собственной мишенью.

И не поймёшь, что носишь мор
С собой, что вразной – все птицы,
Что я, мой Свет, так и не смог
Принять, что ты – самоубийца.

И станет Змей воздушный сед,
Упавший в Ирий, и, конечно,
Найдя на энной полосе
Тобой растерянную нежность.

Генофонд, геноцид, геномор, геноцирк...
Золотые тельцы нас берут под уздцы.
Кто был ночью убит, тот сто лет уже спит.
За Садовым кольцом обретается спирт,
Под Садовым кольцом пьют коллекторы СПИД,
И за крепкое здравие пьёт инвалид,
И скорбят по нам – Киев, Одесса и Минск...
Поминать уже некого – чёрный помин.

Мы – обрубки без ног, мы – культяпки без рук,
(Девятнадцатый год в наших генах – хоругвь),
Ходим в чёрном – сто лет и не знаем, что так –
Поминаем царя, что мы всё ещё – там,
И морально мы – трупы – уже – навсегда
(С девяностых душа наша стынет во льдах),
И нам снится, что вместо царя мы лежим
На постели его, что – постельный режим.

Это княжество катится в тартарары –
В состоянье искусственной чёрной икры,
И никто никогда не поможет ему,
И на нём – нефтяной чёрной метки хомут,
И славяне ему, будто валенки, жмут,
Все замкадыши молча шагают в тюрьму,
Под замкад, под замок, под кладбищ телеса...
Улетайте, славяне, в *свои* небеса!

В НАШЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Не пройдёт и нескольких кайнозойских сезонов,
не успею отпустить в небо ни одной пустельги,

я вернусь таиться
в ту стеклянную камеру обскура,
рядом с которой в другой такой же камере
таилась ты,
и дожидаться,
когда смогу дотронуться
до твоего сонного утреннего лица
своими руками.

Затем я буду сидеть на самом берегу моря,
которое всего раз за Вечность было неподвижным,
потому что спокойно было нам,
а ему было спокойно с нами,
и пойму, что никогда не покину его,
потому что люди меняются,
а оно остаётся нам в утешение,
заменой тем людям,
которых уже не узнать.

Потом я вернусь в тот день, когда
реки становились морями
и оттого мне было просто читать твои мысли,
прикоснувшись своим виском к твоему,
и потому никто-никто не поднимет голос
за оставленные на энной скамейке
энные солнечные очки.

И наконец, я промелькну мимо тебя
среди грохота ежей по тверди,
шума виноградной отороши

и шёпота мыслителей,
но мне только на секунду покажется,
что я промелькнул,
а на самом деле мгновение остановилось
и я взял тебя за руку.

Я вернусь в это время
навсегда
из мира, из которого я,
как вампир,
выпил всю Любовь
ч-е-р-е-з-т-в-о-и-г-л-а-з-а,
и она сохнет во мне,
и мне некому подарить
её сухой остаток.

Я стану небесным телом
там, в нашем средневековье,
над построенной нами Землёй,
чтобы родиться твоим ребёнком.

ОЛЬГА ИЛЬНИЦКАЯ

Москва – Одесса

Поэт, прозаик, журналист. Во время перестройки вышла книга стихов и прозы «Жизнь тому вперёд», переведённая впоследствии на английский язык Элизабет Шарп, «State of Emergency», проект «Новая проза Украины для Европы». Изданы книги прозы и стихов: «Твоими молитвами», «Дебют на прощание», «Божий человек, книга про всё хорошее», «Семь встреч с Богом», «Идёт по улице война».

Публиковалась в энциклопедиях и антологиях России и Украины, в периодической печати России, США, Украины, Германии, Франции, Венгрии, Израеля.

Член PEN International (русское отделение), Союза писателей Москвы, Южнорусского Союза Писателей, Национального союза журналистов Украины.

КРЫМСКАЯ ПАМЯТЬ

1

Море знобит. Небо давит на горы и годы.
Дышит земля застоявшимся воздухом злым.
Холодом ночь подгорчила целебные воды.
Их, как микстуру, глотает простуженный Крым.
Белого света достанет на всех, кто устал.
Всех, кто в пути отходил и желанья, и ноги.
С каждой петлей сиемизской летящей дороги
каменной Кошки путающий вижу оскал.
В хищном разломе застыла татарская мышь.
Крымская память как стены без окон и крыш.

2

Там, в бухте Херсонеса, туман веков клубится
В нём память парусов, и пепельные лица,
и колокол глухой, как страж без языка.

В нём обезглавлен храм, но служба вечно длится...
Чтоб греческий туман горча густел и лился
на чернь чеканных волн, на жёлтый сахар скал,
и чтоб усталый пульс опять, как прежде, бился,
а город, словно путник, раскинув руки, спал,
там вечность смотрит в нас. И молча ждут века.
А мы копаем вглубь. И смотрим в облака.

Я ЧИТАЮ ТЕБЯ И СЕБЯ

*Слово «возраст», конечно, женского рода.
Как и «зеркало».*

Владлен Дозорцев

Я читаю тебя и себя не в первый раз.
Голубого сухого льда не пугает пламя.
Я согласна глотать эту злую словесную вязь.
Отрастающие волосы нести, как знамя.
Только что я могу в нашем мире больших ножей.
Кривым зеркалом отразившим не меня,
а моих мужей.
В старом замке у самого Чёрного моря.
В новом платье изящном, сшитом для горя.
Ты, чужой и сильный, не поднимай
Соскользнувшую с плеч мою вдовью шаль.
Потому что и я уже будто –
Ускользнула в ту степь, где ковыльно и людно
От скачущих с гиканьем «Сарынь на кичку»!
(Вы молчали ко мне, вы ни слова лично).
Это, видно, татаро-монгольское иго
Всех не то, чтоб рассорило – рассорило.
Потому что прошлое уже было.
Потому что я взрослая женщина, Боже.
...А старуха уже всё на свете может...
И когда я лягу в чужую кровать

Не любить, а ещё страшней – умирать,
Во мне маленькая девочка гукнет беззубым ртом.
Как виновата я перед ней.
Не пощадившая даже своих сыновей.
Оставлявшая жизнь и любовь – на потом.

В ПРОРЕХЕ НЕБА

1

И дождь идёт. И я иду...
А голос вслед:
кого призывал к тебе Господь –
тому ответ.
То кардиотревоги звук,
с ним поминутно
зачистка моих смертных мук,
и лишь под утро
стихает зуммер суеты
у горизонта.
И выхожу из тесноты
туда, где зона
ещё не знаемых щедрот;
приметы зябки...
Там стены вдоль и поперёк
слоистой кладки,
и сизари над головой.
Там своды гладки...

2

Мне голос говорит о том,
кто всех правее,
и кто всегда стоит за мной,
и мной владеет.

Ни тайны нет, ни страха нет –
одна отвага.
А за спиной два свёрнутых
два белых флага.
Я верю, что из темноты
моих прозрений –
не зря струится мёртвый свет
стихотворений,
твоих зияющих красот,
знамений свыше.
И голос, голос...
Я его уже не слышу,
а вижу льдистые глаза
живых соцветий,
и ледяная полоса
смиряет ветер,
и сикось-накось серебрит
господень свет,
в котором истины звучат
и тайны нет.

3

Но я лечу в такую даль,
в такие стыни –
где ничего уже не жаль,
где весть о сыне
мне посылается сквозь гром
в разряде молний,
где я молю: спаси о том,
о чём не вспомню.
Пусть не догонит,
отомстив
запойной мукой

страх памяти,
в которой нет
Тебя ни звука.
Лишь ярость гнева
и огня, и это знанье
о памяти – за пазлом пазл
для мирозданья.

4

Поймал меня, Лукавый Бес,
сверчка за печкой,
где ни Тебе я кочерга,
ни черту свечка.
Я пальцы протяну к огню
сведу в щепоть...
О господи – прими, прости,
спасай, Господь!
Ты щедр, мой Боже,
ниспослав святою вестью
вот этот голос,
что ведёт в иные веси –
где я и сын мой
стали ливнем
И оземь –
вместе.

ПОЛНОЛУНЬЕ

Полнолуние, всякий раз твой приход негадан.

Мёртвым взглядом входишь в дом,

меришь этим взглядом

моих детей, хлеб на столе и воду в тёплой чаше.

Заболеваю в этот миг болезнью странной. Страшен
мне голос, слышимый сквозь стекло:

седи, и тайну ведай,

и след сотри на рукаве, не подавая виду,

что слышишь голос, и опять появится у локтя

известки мёртвая печать, и холод сдавит лоб твой.

Под стук постылейших шагов,

прикрыв больное око,

луна, как женщина, глядит, кусая локоть.

НА ЗАКАТЕ

...Тогда тишина опускает на нас

своих голубизн покрывала,

когда ты один на кровати лежишь,

и руки поверх одеяла.

Соседка со скрипом придвинула стул,

и чайник свистит бестолково.

И ты понимаешь: сейчас прозвучит

последнее главное слово.

КОНСТАНТИН КЕДРОВ

Москва

Поэт, доктор философских наук, философ и литературный критик. Родился 12 ноября 1942 года. С 1974 по 1986 гг. работал старшим преподавателем кафедры истории русской литературы в Литературном институте им. Горького. Автор более 20 книг поэзии. Главный редактор ежемесячного литературного журнала «Журнал ПОэтов».

Лауреат Международной отметины им. Давида Бурлюка (1999), премии «GRAMMу.ru» в номинации «Поэтическое событие года» (2003, 2005), Лауреат года «Литературной России» (2007). Диплом участника Библейского проекта лауреата Нобелевской Премии Агнона «Книжная Выставка» (Израиль, 2008). Лауреат премии Н.А. Грибоедова «За верное служение отечественной словесности» (2009).

Создатель литературной группы и автор аббревиатуры «ДООС» (Добровольное общество охраны стрекоз) (1984). Член Союза писателей СССР (1989). Член исполкома Российского ПЕН-клуба.

С-ВЯЗЬ-НОСТЬ

А если Бога нет, он Ноль
Нирвана или в гамме Ля
А сотворенье мира – Боль
Квадратный корень из Нуля

Но корень может быть кубический
И это мир метафизический
Пусть даже Фрейд-сверхдиагностик
Был атеист а не агностик

Но появился маг из Берна
И стало всё четырехмерно
Приставил миру скобок стремя
Единое пространствoвремя

На трассе мировых событий
Нас ждало множество открытий
Мир как в театре Нины Ричи
Окутался в потоки Ричи

Сей нео-конченный роман
Продолжил Грегор Перельман
Он доказал, что мир наш связан
И многим Господу обязан

А кто связал трехмерный свитер
Не скажет ни один пресвитер
Сии мистические связи
Останутся в трёхмерной вязи

И в опереттах Оффенбаха
И в музыке волшебной Баха
И в моцартовом озареньи
И здесь в моём стихотвореньи

Которое как полагалось
Само связалось-развязалось
Из изречений и речей
На спицах солнечных лучей

Мне сказали что чувства давно устарели
Мол над чувством царит постмодерн
Устарели – ну стало быть вы постарели
Я же вечного чувства Жюль Верн
Капитан затерявшийся в океанах
Я плыву в океане чувств
Капитан капитанов в тумане туманов
Не плыву уже а лечу

Пусть на ветер натянуты все паруса
И вот-вот улетит корабль
А мои паруса это все небеса
Да и всем улетать пора бы

Я не вижу просвета
В середине рассвета
Ни один не протиснется луч
Я не слышу ответа
Я не слышу ответа
Поверни меня в сердце как ключ

Скажу о самом главном –
Для чего
Все это начиналось – я не знаю
Но это ничего что ничего
Я не живу а что то вспоминаю

Вот вспомнилось – любовь
Ещё любовь ещё любовь ещё любовь...
Довольно!
Ах боже мой – за что такая боль
Такая боль что мне уже не больно

Ах сердце утром спозаранку
Ещё не ведало про то
Что вывернется наизнанку
И превратится всё в ничто

ОБРАТНАЯ МУЗЫКА, или АНТИГАММА

Напрасно вы думаете что музыка умерла
Все дело в обратном звучании нот
Вы думаете они умолкают
А они переходят в другую ноту
Нота Ля умирает в Соль
Нота Соль умирает в Фа
Нота Фа умирает в Ми
Нота Ми умирает в Ре
Нота Ре умирает в До
Нота До умирает в После
До идёт по следу После
Проваливаясь в Молчанье

Вот иду по канату как пантомим
Неужели вправду я заменим
Неужели сердце твое батут
Пусть другие по проволоке пройдут

Пусть по проволоке без проволочки
Долетят до сердца – дойдут до точки

Неужели прочие так же ловки
Зависают в воздухе без страховки
Ах и я готов ещё раз разбиться
Чтоб опять глазах твоих отразиться

ТЕАТР С МЕНЯ НАЧИНАЕТСЯ

Не с вешалки нет не с вешалки
А с виселицы и с бешенства
Театр с меня начинается
И только мне подчиняется

Не с занавесей развешенных
Рассказ о семи повешенных
Не с грима не с декорации
А с вечности и абстракции

С цветущим буйством Кандинского
Со сталинского бандитского
Где не Купидон мечет стрелы
А пытки рвы и расстрелы

Где ров оркестровая яма
А ямбы взрывные бомбы
Где аплодисменты искренни
Как всем погибшим амнистия

РЕКВИЕМ АЛЕКСЕЮ ПАРЩИКОВУ

24 мая 2014 г. ему исполнилось бы 60 лет

Как медный духовой оркестр
Духовной жаждою томим
Опустошающий регистр
И имя словно псевдоним

И одуряющая боль
Об ударяющий литавр
Пароли троль где трель пароль
Минувший минный минотавр
Стих многозалповый не стих
Дрожит в пространстве канонада
Слепой феерией шутих
Канкан Канкун в канолах ада

Под минный духовой оркестр
Орфей спустился в подземелья
Прицелом обводя окрест
Предел родного беспределья

Черёмухи нездешний снег
Трамбон как человек в футляре
Цейс цельс объекта необъект
Застыл в нездешнем окуляре

СЕРДЦЕ ФАРАОНА

Вряд ли тебя забуду
Гаруду среди Гаруд
Пустыня нужна верблюду
Пустыне не нужен верблюд

Вряд ли тебя я запомню
Память весьма коварна
Чем-нибудь да заполню
Пустующую каверну

Помните – я был счастлив?
Счастлив как пьяный Моцарт
Мумия безучастна
Где то в изгибах мозга

Сколько не бальзамируй
Нет уже не проснется
Спрятан навек от мира
Спрятан навек от солнца

Вырвали его сердце
И во тьме беспредельной
Спит фараон отдельно
Сердце его отдельно

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ

Москва

Поэт, прозаик, литературный критик и переводчик. Родился в бессарабском селе Ташлык (ныне Каменское Арцизского района Одесской области Украины) 14 марта 1930 года в болгарско-армянской семье. Детство К.В. Ковальджи прошло в Кагуле, Аккермане и Одессе. В 1954 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал журналистом в Кишинёве (1954-1959), консультантом в правлении Союза писателей СССР (1959-1970), зам. главного редактора журнала «Советская литература» (на иностранных языках) (1970-1972), зав. отделом журнала «Литературное обозрение» (1972-1977), зав. отделом критики журнала «Юность» (1977-1990), главный редактор издательства «Московский рабочий» (1992-2000), с 2001 по 2013 г. – руководитель программы интернет-журнал «Пролог» (Фонд СЭИП), с марта 2013 года – главный редактор журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А».

Публикуется как поэт с 1947 года. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Континент», «Октябрь», «Юность», «Огонёк», «Арион», «Нева» и других. Автор ряда книг стихов: «Испытание» (1955), «Голоса» (1972), «После полудня» (1981), «Книга лирики» (1993), «Невидимый порог» (1999), «Тебе. До востребования» (2003) «Зёрна» (2005), «Избранная лирика» (2007) – и прозы: роман «Лиманские истории» (1970), «Свеча на сквозняке» (1996), «Обратный отсчёт» (2004). К 80-летию писателя вышло «Литературное досье. Кирилл Ковальджи» (2010). Сборник новых стихотворений «Дополнительный взнос» (2012). «Моя мозаика или По следам кентавра» (2013). Переводил поэтов Молдавии – Андрея Лупана, Ем. Букова, Г. Менюка, П. Боцу, а также поэтов Румынии – М. Эминеску, Дж. Кошбука, Н. Стэнеску, М. Сореску, М. Динеску, Лео Бутнару и др.

Из литературной студии Кирилла Ковальджи вышли Иван Жданов, Александр Ерёмченко, Юрий Арабов, Нина Искренко, Алексей Парицков, Владимир Тучков и другие известные фигуры литературы конца XX – начала XXI вв.

Член Союза писателей СССР (1956), секретарь Союза писателей Москвы (1992). Член Русского ПЕН-центра. Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2006) Член Южнорусского Союза Писателей (2013).

Вдохновение, что ли? –
 Под вечер вернёшься усталым,
а тебя нетерпенье
 торопит, как перед началом.
Ты забудешься сном, полусном,
 на часок – и довольно,
а подсказка во сне
 озаряется вдруг своевольно.
Пробуждение – радость,
 откуда она, молодая?
То работа тебя
 держит за руку, не отпуская,
и зовёт – повезёт,
 торопишь воплотить, воплотиться,
будут все за тебя –
 и друзья, и деревья, и птицы,
надо с ними идти
 заодно – для чего-то, кого-то,
чтобы там, впереди
 обрести ощущение полёта...

Длинный, длинный, длинный жизни сериал.
Так бы и сидел и вспоминал,
Целые сюжеты, эпизоды, сценки,
Подвергая их переоценке,
Пересмотру, перепроверке
По безжалостной мерке
Как изменилось, что было мило! –
Помнит ум, а душа забыла...

Сколько в прошлом затёртых страниц,
Перечёркнутых лиц...
Годы счастья исчезли в тумане,
Колкий сор на переднем плане...
Ветер гоняет осенние листья,
За ними гоняется кошка...
Господи, дай мне немножко жизни,
Еще немножко!..

Вот ключи запретные. Смешно.
Для чего они? – открыты двери.
Ни к чему стучать и лезть в окно –
Заплати. Невелика потеря.
Вот ты при деньгах и при ключах,
Только – отдыхает камасутра...
С пустотой вселенной на плечах
Помолись тихонько при свечах,
Чтоб не угодить в театр абсурда.

Словно кошка по карнизу,
Ходит женщина по жизни,
Высока стена.

Ей ступать по краю крыши
Долго ли? Зато ей ближе
Звезды и луна.

По земле, как по карнизу,
Как во власти сна.
Мне смотреть со страхом снизу –
Женщина пьяна...

С любовью не спорят. И с горем.
С вулканом, закатом и морем...
Вне спора тайфун и цунами
и всё, что случается с нами.
Какой ещё выдвинуть довод,
чтоб внял дружелюбию овод?
Сильней аргументов – поступки.
как шрамы – у драмы зарубки.
Сомнительна мысль,
убедительно чувство.
Таинственна жизнь,
а от логики – грустно...

Сталин находит актёров не только в кино,
в каждом из нас подсознательно вставлена
роль, где в отдельности и заодно
все мы невольно вживаемся в Сталина.
Он предвкушает своё торжество
и пробирается в мозг вроде вируса.
Как бы из нас по частям он не вырвался
И не собрался б опять в одного!

Жертва уносит печать палача –
Все демократы в сетях диалектики...

Пять минут я злорадно играл усача!
Спохватился...
А вы,
дорогие наследники?

В ТЕ ГОДЫ

Как на площади Восстания – высотка,
сталинская красотка:
шпиль до неба!

Как на этаже двадцатом
свадьба, а на десятом
развод
с кулаками и матом

Как на восьмом рожают
на седьмом умирают
как на втором обмывают медали
под звон бутылок

как в подвале –
пуля в затылок!

По России в поезде без окон
(и во сне тот ад не видел Дант!),
от Лубянки до Владивостока
ехал гениальный арестант.
Умирая на каменоломне
(первый сборник «Камнем» он назвал),
что он вспомнил, бедный, что он вспомнил
в ледяном оскале синих скал?
Правду говорили – что-то птичьё
было в нём, но уходил он в сень
вечного величья с Беатриче,
призывая Наденькину тень.

Айседора Дункан и Марина Влади,
Вы спасение ради... увы... се ля ви...
У Сергея стакан, игла у Володи,
неформат европейской любви.
Потому, что Россия со счастьем в разводе,
В разладе, не в моде – зови, не зови...
Но бессмертье Серёжи, бессмертье Володи –
В беспределе русской любви!

ИЗ ВЕРЛИБРОВ

*

Говорите:
– Это не стихи
А просто проза

– Извините

У прозы нет рамочки
на стене
которая вроде окна!

АВТОБИОГРАФИЯ

Детство набрано крупным шрифтом
Любовь красивым курсивом
Старость мизерной нонпарелью
Ну а точка –
она
В ряду бесконечного текста

Перейти улицу
в часы пик
в неположенном месте

ничего!

жизнь сама – не поле перейти
ни положенных мест
ни светофора

ничего!

с путеводной звездой

Врач переключается
от больного к больному,
проститутка переключается
от мужчины к мужчине
телезритель переключается
от программы к программе
политик переключается
от указания к указанию
продавец переключается
от покупателя к покупателю
а у меня – от тебя
нет переключателя!

АЛЕКСЕЙ КОТЕЛЬНИКОВ

Москва

Поэт, критик, журналист. Родился и живёт в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Стихи и проза А. Котельникова были опубликованы в различных изданиях, среди которых журналы «Юность», «Дети Ра», альманах «Пятью пять», «Литературная газета», «Студенческий меридиан», «45-я параллель» и др. Был докладчиком на I литературной конференции «Связь времен», посвященной творчеству Беллы Ахмадулиной.

Редактор поэтического сайта «ГЕРМИтник поэзии», ответственный секретарь литературного альманаха «Пятью пять». Автор поэтического сборника стихов «В пяти шагах от радуги». Победитель поэтического конкурса III Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2013». Член Городской московской организации СП России, Южнорусского Союза Писателей.

МИШЕНЬ

я сегодня – мишень
в поле,
я – гримаса судьбы
мимо.
если в цель – никакой
боли,
больно – это, когда
мимо.

больно – это, когда
поздно,
больно – это, когда
слепо,
будто кто-то стрельнул
в воздух
и случайно убил
небо.

СЕЛИГЕР

забыться, не желая возвращаться...
остаться там, где равен миг векам,
где дремлет в шуме лиственных овацій
немым ручьем рождённая река,
где шепчутся диковинные ели,
царапая кистями тишину,
и где из перевернутой купели
роняет ночь уснувшую луну.

забыться, наблюдая, как степенно
плывет туман, цепляясь за репей,
как зависает облачная пена
над темной бесконечностью теней,
как марево, пронизывая гнезда,
стирает можжевельника узор,
и как искрятся каменные звезды
в глазах упавших замертво озер...

ЗА СОПКАМИ...

Там, в глубинке, где давно плутают лешие,
старый дом стоит за сопками кудлатыми.
То ли рос он из земли на радость грешникам,
то ль сама земля рождалась под окладами.

Время-мастер сруб еловый разукрасило,
дом болеет – не один, похоже, век ему.
Эх, подправить бы причелины, балясины,
заменить бы дверь, повал – да, видно, некому.

Дремлют сучья под перилами костлявыми,
У крыльца скрипит сосна в плену овсяницы.
Дом не спит... и с новорожденными травами
он здоровается, будто бы прощается.

Отражаются в глазницах окон выбитых
разноцветные картины жизни прожитой:
сенокос, крестины, лошади на выгоне,
клевер; местные, пропахшие рогожею;

палисадник, тенью яблони застеленный,
жатва, пот, Покров с антоновкой и солодом
и хозяин... тот, последний из расстрелянных,
отпущавший много лет грехи и бороду.

Осыпается труба и тихо охает,
ведь порой своим дымком касалась месяца.
И глядит сосна на падающий охлупень,
да покачивает веткой, словно крестится.

ГРОЗА

по тёмно-синей борозде,
туманно-вязкой и тягучей
подкралась к огненной звезде
водой беременная туча.

а город от дождей устал
и, поражённый первой дробью,
покинул в спешке пьедестал,
смотря на небо исподлобья.

воздушная палитра смальт
попалась в облачные сети,
и ливень, спрыгнув на асфальт,
побрёл, растаптывая ветер.

стучались в тысячи квартир
наперебой раскаты грома,
а в лужах затаился мир.
всё тот же...
хрупкий...
невесомый...

ЗДЕСЬ

здесь тихо дремлют облака на дне колодца,
и цапля моется в прохладном хрустале...
здесь век за веком слёзы раненого солнца
грибным дождём летят к измученной земле.

к полям опять спешат ветра с опушки леса,
и в сотый раз им шепчет сгорбленная рожь:
«скажите людям: вас не ждут в раю небесном,
ведь рай земной давно “ушел” за медный грош».

но здесь, как прежде, над рекой звенят стрекозы,
парят кресты, в бурьяне прячется зола...

а по крестам стекают солнечные слёзы
и застывают, превращаясь в купола.

...ТОГДА...

«...А помнишь, как на островке
мы возвели песочный мост,
как ливни прятались в реке,
стуча по отраженьям звезд?..
Как появлялись города,
в стране осыпавшихся скал?
Ты помнишь?»
«Помню, ведь тогда
ещё никто не умирал».

«А сено? Помнишь, как оно
вдыхало сонную зарю,
и как проросшее зерно
толкало Землю к сентябрю?»

Как в поле буйствовал прибой,
как тени уносились ввысь?
Ты помнишь?».
«Да, ведь мы с тобой
тогда ещё не родились».

до забвенья – шаг,
за спиною – стон,
отчего в ушах
колокольный звон?

если грешен миг,
значит грешен век.
и тускнеет лик.
и на Пасху – снег.

ОЛЬГА КСЕНОФОНТОВА

Ильичёвск

Прозаик, фотограф, блоггер. Участница литературного объединения им. В. Домрина, член оргкомитета фестиваля «Провинция у моря».

СУЕТА

Приехали НАШИ в тот далёкий июнь как раз в такое время, когда была полна горница гостей – в двух комнатах уже отдыхали курортники, небрежно и без всякого уважения именуемые нами «куржами». Поэтому разместились мы в единственной свободной комнате-зале и балконе, так как НАШИ включали в себя Тётю, Дядю и двух «мальчиков», они же – мои двоюродные младшие братья, рост которых со дня на день грозил перевалить за метр восемьдесят, несмотря на то, что старшему – Ру (Руслану) едва исполнилось тогда пятнадцать лет.

После бурных встреч, плотного ужина и долгих разговоров, суть которых сводилась к тому, что мой папик, бросивший нас с мамой несколько месяцев назад, – козёл, было принято решение лечь спать, так как был уже час ночи, и поход завтра на работу ещё никто не отменял.

– Заведи мне будильник на пять, – попросила мама. Она давно стала разговаривать тихо и выглядела как великомученица с измождённым лицом, уставшими глазами и робкими движениями. Тут без папика-козла, конечно, никак не обошлось.

Расположились мы примерно так: я с Тётей и Дядей на полу, а «мальчики» – на диване. На балконе же оказалась мама с Псом. Я тогда ещё подумала, что есть хоть что-то хорошее в том, что папик-козёл, бодро цокая, свалил на фиг – не представляю, куда бы мы втиснули сейчас его.

Взяв свой модный «бипер» – часы с будильником в виде пейджера, я начала в полумраке (так как все уже легли) заводить их.

В ночной комнате стояла тишина, прерываемая цикадами и нашим с Русланом шёпотом. Видимся мы с ним до сих пор редко, хотя уже есть такие блага цивилизации как «ася», «скайп», электронная почта, да и тот же мобильный телефон, не то, что в тот далёкий июнь, когда всё, что мне было доступно – это отечественная «Укрпошта», и та по праздникам.

И вот как раз когда мы в очередной раз поменяли тему разговора (а когда видишься с человеком полторы недели в год, темы меняются ежеминутно) началась вся эта кутерьма. На балконе неожиданно для всех запищал «бипер». В крымской жаркой тишине, сквозь романтическую трескотню цикад и наш с Русланом шёпот, писк «бипера» звучал невероятно противно. После пятого «бипа» на балконе послышалось оживление. А ещё через три – оживлённый мамин голос сообщил мне, что если я сейчас же не выключу эту «фиговину», то мне лучше сразу собрать вещи и убежать, тихо прикрыв за собой двери во избежание травматизма. В жаркой июньской ночи, наполненной запахом акации и пением цикад, я взяла будильник, и проведя с ним новые манипуляции, улеглась обратно в «кровать» – шептаться с братом «за жизнь». Прошло ровно 10 минут, и чудо техники снова заорало где-то у мамы над ухом. Мы с Русланом одновременно нервно хихикнули. Когда у меня над ухом уже совсем не по великомученически заорала мама, мы уже беззастенчиво смеялись. Я забрала будильник к себе, и напарив на нём в темноте кнопки, попыталась его успокоить. Как только он замолчал, я засунула «бипер» на всякий случай в диванные подушки.

Всякий случай наступил достаточно быстро – через десять минут будильник истерически вопил где-то в утробе дивана и подушки его совсем не заглушали. Не сговариваясь,

мы с братом снова захохотали. Мы старались делать это тихо, для чего хохоталки уткнули в простынь. Комната наполнилась жалобным биканьем, маминой приглушённой, но от этого не менее отборной нецензурщиной и нашим беспомощным хрюканьем. В итоге было решено вытащить из будильника батареи. Задача и при дневном свете трудновыполнимая: задняя панель очень туго открывалась, а в потёмках июньской ночи и подавно. Применив всё, что было можно: ногти, зубы и маты, мы всё-таки сделали это, и с совершенно чистой совестью улеглись спать, не опасаясь противного пиканья. «Болтать» у нас явно не получалось, поэтому в комнату вновь вернулась царственная тишина, наполненная скрипом цикад и запахом акаций. Изредка кто-то из нас хмыкал, вспоминая всю эту суету с будильником, но мы тут же сами себя одёргивали и с вполне серьёзными намерениями закрывали глаза и считали баранов до встречи с Морфеем... Но тут подал голос тот, от кого это меньше всего ждали в романтической летней ночи – Пёс, который до этого мирно сопел на балконе. На него напала чихота. Он чихал так громко и отчаянно, словно ставил жирную точку на всех наших попытках поспать этой ночью. Мама не выдержала первой, пожелав Псу долгих лет и прочих радостей жизни, и закончила красноречивым: да чтоб ты сдох, с*ка!

У меня текли слёзы. Через секунду я поняла, что мы с Русланом уже откровенно и неприкрыто заливаемся смехом, хотя я до сих пор не могу понять, что именно нас тогда так развеселило. Мы смеялись до икоты и слёз, уткнувшись в подушки. Этот смех разливался по каждому капилляру, словно вода из Живого источника. Нас разбирало всё больше и больше, как на уроке, когда смеяться нельзя, но и не смеяться просто невозможно. Смех рождался где-то в солнечном сплетении, и если бы его можно было увидеть, то это наверняка был бы яркий луч света, затопивший всю комнату. Мы были как два маяка, подающие кораблям,

терпящим бедствие, сигналы вперемешку с надеждой на спасение. В этом неприкрытом и беспричинном веселье были все наши ещё не родившиеся разговоры и всё то, что переминалось на пороге и ждало разрешения войти. Всё, о чём мы умолчали и чем успели поделиться. Всё то, что оставляло внутри выжженную черноту: уставшая от жизни и одиночества мама с беспросветным взглядом и неподвижным лицом; папа со своими цокающими копытцами, самозабвенно уплывающий от нас на плоту, свитом из песенных слов... Я смеялась на много месяцев вперёд, про запас, на чёрный день...

А потом резко всё замерло и затихло, словно все силы съела темнота, и я не могла даже пошевелиться. Внутри был уютный вакуум, хрустальная пустота, от которой было невероятно спокойно, словно ты лежишь на коленях у ангела, глядящего тебя по голове. Я уснула почти мгновенно; когда уснул Ру – не знаю... Наверно, было около двух часов ночи, хотя я могу ошибаться, ведь в темноте время идёт совсем по-другому. Особенно, если это июньская ночь, сплетённая из трескотни цикад и сладко-приторного запаха акаций...

МАРИЯ ЛУЦЕНКО

Киев

Киевский поэт, музыкант и фотограф. Родилась в мае 1978 года, училась, проживает в городе Киеве. Первая публикация в журнале «Радуга», в 2008 году, а также в альманахе «Капитановый Дом» (Киев, 2009). Последующие публикации – в питерских журналах «Бег» и «Окно», в журналах «Южное Сияние», «Радуга», «Дети Ра», а также в других украинских и зарубежных бумажных и интернет-изданиях. В 2013 году вошла в Южнорусский Союз Писателей.

2012 год, июнь: Гран-при в номинации «поэзия» на цветаевском фестивале «Над временем и тяготением» (г. Запорожье); 2013 год, апрель: Гран-при в номинации «поэзия» на фестивале «Антр-Акт Восходящего солнца» (г. Херсон); 2013 год, август: лауреат Корнейчуковской премии за подборку детских стихотворений «Эльфова башня» (3 место); 2013 год, сентябрь: Гран-при литературного конкурса III Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2013» (г. Одесса); 2013 год, сентябрь: Приз зрительских симпатий и III место в литературном конкурсе Всеукраинского литературного фестиваля «Пушкинская осень в Одессе – 2013»; 2013 год, ноябрь: Гран-при в конкурсе «Золотой микрофон» в рамках литературной премии «Народный поэт» (г. Москва).

ВОЗМОЖНО, НЕВОМОЖНОЕ...

Скажи, что видишь нас, на взморье,
идущих вместе на косу,
и брызги смеха в разговоре...
И ты – с бумажкой на носу,
а я – в панамке полосатой,
известной всем, как реквизит
моих удачных фотосетов.
И вечностью от нас разит,
как от любовников столетних,
погибших в Первой Мировой,
чьи лица с вырезок газетных
мерцают нежностью живой.
Вот мы, на раскалённых плитах
таращимся в морскую голь,

два зверя, нежной страстью слитых,
и нам ещё не застит боль
распахнутого счастьем неба,
не заслоняет горизонт.
И даль от бурь не потемнела,
и расставаться – не резон...
Ты видишь, как фотоны света
мир делают светлей на тон?
Скажи, что повторимо это
мгновение, забудь о том,
что место здесь имела кража
не лодки углой, не весла.
Нас, мокрых и счастливых с пляжа
необратимость унесла...

*«Мы будем жить с тобой на берегу,
отгородившись высоченной дамбой...»*

И. Бродский

Мы будем жить.
Конечно же. Да-да.
Никто в обратном и не сомневался.
Не важно, что вскипают города,
не важно, чьи в порту стоят суда,
какой тиран до царствия дорвался.

Пустынный, незаметный островок
людской любви далёк от континента
людской вражды. Остался лишь рывок
от вредоносных мыслей и тревог,
заполнивших пространство интернета.

Мы будем жить, а может выживать
в стране, где все друг друга рвут на части.
Без ужина валиться на кровать,
а если вдруг придётся воровать
из магазина пряности и сласти –

не ощущать ни страха, ни вины.
Мы, выйдя за пределы убеждений
и принципов, которые смешны,
невидимыми станем для войны
за лесом блокпостов и заграждений.

Ты не заметишь старости моей,
живя бок о бок, старости не видишь.
Не нужно нам с тобой чужих морей,
своё под боком: выйдешь из дверей –
шумит его глухой одесский идиш.

Я буду часто слушать этот шум,
летающий прямо с улицы под кровлю.
И, может быть, когда-нибудь решу,
наверняка когда-нибудь решу
открыть одно окно, пока готовлю

на кухоньке воскресное рагу,
и суп, такой, как любишь, без моркови...
Я всё смогу, вот только не смогу
ни дня прожить с тобой на берегу
у моря крови.

НУ ОЧЕНЬ ЖЕНСКОЕ СТИХО ТАКОЕ

Откуда бабочки внутри?
И почему их век недолог?
Не говори... Не говори...
Молчи, растяпа-энтмолог.

Их куколки слепая страсть
ко мне подбросила тихонько.
Стремясь во внешний мир попасть,
они попискивают тонко

и льнут к тугому животу,
толпясь на полнокровной вене.
И полнят, полнят пустоту
легчайшие прикосновенья,

зубчатых крыльев водевиль,
щекотка мотыльковых лапок.
Когда ты пальцами ловил
их изнутри, хотелось плакать...

Предашь – увянут по одной.
Слетят на дно моей жестянки!
Как больно ощущать, родной,
на крыльях вмятины и ранки...

Как страшно хоронить миры,
трепещущие для растяпы,
и всё прощать до той поры,
покуда жизнь – в одной хотя бы...

Откуда бабочки внутри?
И почему их век недолог?
Не говори, не говори!
Молчи, растяпа-энтмолог...

ПОМАНИ МЕНЯ ИМЕНЕМ

Помани меня именем, самым тайным из данных мне.
Остальные забыты, и не по моей вине...
Позвучней, те, которые, сбывли – грошик за два мешка,
а поблекшие выцвели, были пущены с молотка.

Иже с ними. С нежнейшими. Ибо все они – ширпотреб.
Ослабевшие прутики поржавевших, старинных скреп
еле держат у самого края, торчат дугой.
Только дунь, рассыпается ветошь, летит к другой...

Помани меня именем (если любишь и не гордец),
тем давнишним и детским, которым прозвал отец
кучерявую бестию, демонёнка и егозу
с синяком на коленке и полоской беды в глазу.

Ненаглядных и милых так много, а я одна.
Ты же знаешь, Адам, как рождаются имена
для звезды и для музыки, для семи семицветных нот,
ты же помнишь, как в горле течёт первобытный мёд,

как в гортани першит первозданный солёный ком,
а на нёбе – горошина солнца над Языком.
Ты же помнишь, что воздух – «Авир», а вода – «Маним»?
Помани меня моим именем! Первым моим! Моим

самым тихим и тайным, где найдётся любви приют,
а не тем громогласным, которое воспоют
после смерти моей, наизусть зазубрив строку.
Я на то, на посмертное, и откликнуться не смогу...

Тем, что в святцах, меня называют и ты, и он.
Только выдохнешь горькое, в дом потянется легион
непорочных, святых, светлых праведниц и блудниц –

душно станет от тел на постели, пестро от лиц!

Вспомни, вспомни его, пусть звучит, как лесной манок,
женихов других отгоняет, как злой чеснок,
и тогда оживу и отвечу, и буду я
тихо ночью шептать, задыхаясь: – Твоя! Твоя!

Помани, а иначе я – невозможная темнота.
И бесплотная, довселенская, чёрная пустота.
И пролившийся, упомянутый всуе, беспцельный звук
в безответность вотру, словно масло в ладони рук.

Помани меня именем, тем, которым других не звал.
Ты увидишь, как тихо светлеет ночной провал.
Как на кухне стою, зажигаю во мгле плиту...
А на прочие я не отвечу и не приду.

АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН

Кыштым

Поэт, прозаик, драматург, критик, организатор литературного процесса. Родился в Челябинске в 1972 году, жил в Озёрске, Лесном, Екатеринбурге. Публиковался в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Крещатик», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Аврора», «Нева», «Дети Ра», «Воздух», «Знамя», «Text only», «Топос», «Полутона», «Новые облака», «Южное Сияние», в «Антологии современной уральской поэзии: 1997–2003» и др.

Полуфиналист международного литературного конкурса «Тамиздат» (2007). Лауреат уральского фестиваля поэзии «Глубина» (2007). Лауреат литературной премии «ЛитератураРентген» (2007) в номинации «Фиксаж» (лучший нестоличный издатель поэзии). Лауреат литературных премий журналов «Дети Ра» (2008), «Зинзивер» (2010) и др.

Куратор проектов культурной программы «Антология», других литературных премий, фестивалей и семинаров. Учредитель и издатель нескольких антологий, книжных серий, альманахов и журналов: журнала актуальной литературы «Транзит-Урал», литературно-художественного фонда «Антология», фестивалей «Новый Транзит» и литературы малых городов им. Виктора Толокнова. Главный редактор литературного журнала «Новая реальность».

С 2009 года – организатор и куратор евразийского журнального портала «Мегалит» (promegalit.ru), объединяющего десятки литературных изданий.

Автор сборников стихов «(В)водный ангел» (2005), «Анатомия» (2006), «Я полагаю что молчанья нет» (2007), «Кыштым: избранные стихотворения 1999-2008 годов», «Пойми, никто не виноват» (2010), «Маргиналии» (2011). Член Южнорусского Союза Писателей.

ОБУЧЕНИЕ ЛЕММИНГОВ

Алексею Миронову

Иная кожа леммингов в воде,
шифр пеня птиц в пересечённом эхе
листвы дубовой белых наводнений,
из сумерек, где женщина плывёт

(читай: живёт в любом [читай] мужчине – он перевёрнут). В полуоборот

к нему стоит татуировка звука.
На выдохе он из коры пустой,
как колокольчик, вытянул разлуку
и слушает не пенье, а покой
[поэтому они взошли, как смыслы,
над линией его береговой].

Асфальт. Светло. И липовый фонарь.
Браслет соломы в окиси отца.
И лемминги бегут, как бы вода
меж пальцев вверх, и йодом смерть полна,
повёрнута [как фомка воровская
исчерпана и сломана] у дна.

И паутиной день скользит в зенит –
одновременно, искоса и вниз,
паук в зрачке у дерева жиреет
и если ты, как карц, плывёшь в груди
у амальгамы, то она созреет
в тринадцать лет и женщиной падёт

осоке этой мягкой на живот.
И леммингов кленовых жирный дым
почти живой [но мёртвой всё ж] воды
вплывает, как сквозняк, в пролом. Утрою
изображенье это – колесо
и бабочек коллекция, как воздух,

но сунься и получишь до-ми-соль
и контур холода, как замысел. Короче –
там лемминги скользят в большой воде

и сбрасывают шкурки, где в помине
нет длинной памяти, и – очевидно – не
в том их вино и стыд, что не-

до-истребимы, что эпидермис плавится, едва
они достигнут роста в две ладони,
что треугольная, как призма, их слеза
ни шкуры, ни агонии не тронет,
когда они почувствуют, что их
слепое мясо чешуёй и жаброй

накроет этот девичий родник
татуировки женщины в мужчине,
и поплывёт стог мяса – по реке
не по течению, с плавником, в невинность.

PRAYER OF FISH / МОЛЕНИЕ РЫБЫ

На берег [как рыбы протёкший побег]
дождь ставит тавро прямой речи
и смотрит в её непрозрачный подтёк,
где вновь перекадывал вещи,
как ссадины птиц на коленях пустых
отсутствующих живых,
где берег на кадры положит пробел
снежком рыбным [к жабре прижатым]
коснётся dna зреньё своим вторым дном,
своим словарём небогатым:
от края до сумерек – рыбный базар,
и слышно гортанное «ар».

На берег, как лошадь взойдя, стая рыб,
горит, что листва в тёплой Парки
и видишь её ледяную дугу
и след от проточной тьмы сварки
всех слайдов положенных навзничь в петлю

[и что вероятно – свою],
где мир примечание к йодным полям
и рыбному взгляду без века,
лежит Пифагор в очевидных губах
всей смерти своей, как побега –
и снится ему, словно речь хромосом,
зола [как бы иней и сжорн].
Ведет свет ресницы и видит тавро
прямой своей речи, как банки,
где он словно берег в рыбу протёк
чьё слово сбегает из ранки
и рыбные всходы встают, чьи вчерне
все лампочки – обо мне.

TRANSFER OF A DEER / ПЕРЕВОД ОЛЕНЯ [между берегов]

Следует перевод бесконечный в язык
всяких предметов, великих и их биографий, на мост
вставши однажды, олень обнажает не штык,
но расширяет мороз вокруг [там, где Бог].

Словно вчера соловьиное пение вёл
он на верёвочке, видимой лишь голосам –
выросли липы, в папирус свернулись – так кровь
веретеном горизонт намотала, и снам
снился история – тёплый, как небо, олень,
виснувший в воздухе непреднамеренно, не

будет вам имя скоропостижное, дно
в щепоть копыта он взял, и именует своё,
взяв перевода пунктир – он нисколько не жив –
только двоится свинцом с обрывных двух краёв

полого света, где падает свет и лежит
невозведенный и непомысленный, не-
бытием он спасаем, как затяжной долгий вдох –
и горизонт, словно циркуль, стоит вдалеке

Новый чертёжник, лингвист, мастер имени дыр
тонких мостов между бережно видных тебе –
долгий олень всё бормочет, что с именем был,
но не находит его среди линий, свой ген
он препарирует, как лист из меди, когда
[выйдя из горла] тот в клинопись нашу застыл.

И параллельное эхо расколет пролив:
как скорлупа всяк предмет будет дорог, но будет другим,
и потайно освещенье его изнутри
дыханьем оленя (не голоса, но поминаньем его) –
помни, что свет им порезан всегда лишь на три
ломтя, что рыбой лежат над подземной рекой.

Бег иссякает, что бедный его алфавит,
в свет иссечён и предмет –
тот, который не вскоре его повторит.
выйдешь и слышишь оленя, пространство, предмет –
которые просят названья,
которого нет.

СОБРАНЬЕ ВЕЩЕЙ В []

Насколько же плотен зрачок, что питаем собранием вещей,
по краю полощется тьма из неназванных их
[ещё только тени и тени от этих теней,
свернувшихся в полую нить [нефтяную] воды].

И так исцелимы точки касания [взгляд
включает их в узел своих капилляров – порвать
посмеет их только ребёнок [возможно ещё гиацинт,
мерцающий в жирную пыль из холмов золотых]].

Нисколько не плотен наш круг [что и вовсе не жаль],
и жар из руки не пожат [словом, в углу отчаль –
послышишь в ответ скрипу вёсел, как дождь прозвучит
[оторванных взглядом вещей и силков ниспадающих в них]].

Прости тавтологию зренью моей нищеты
и это двоенье, что мыслит голодный тростник
[он изгнан [посчитан] неплотен, как соль у Протея в губах],
не следует мне доверять [только это не страх

проснулся [и в ушко игольное вдетый зрачка] спшивает
и жатву, и небо [где дальше – не я]].

Собрание проточного эха вещей,
обожжённых, как глина, в краях.

Что вынет отсюда нам зреньё? – свою слепоту,
озноб, возвращённый ключом из упругой воды
в ту тень, за которою нам невозможно взглянуть.
[[[- Ну что ж, - отвечаю себе – так значит = смотри...]]

СОЙКА

Это лето будет холодным, поскольку брат
решил повторить промысел братьев старших
он объективен, как рай и ад,
уже существующие в едином теле, наше
желание быть живыми, воскреснуть вновь
значения не имеют – очнувшись фарсом,

голова поднимает смрад революции, но
благословляет себя, как жертву, дальше
лето холодное, лица в дурном нуле,
в луже – то ли птицы, то ли ангелы и, бликуют,
как банты от гвардейских лент,
неба коснувшись ли, лика [?] – дуют

на ожоги, на это лето – на! Возьми
нас обратно, согрей у себя в жилетке,
не пожалей, не сохрани нас,
даже в горле, в памяти этой разбухшей ветки.
Но ни ответа, только полночный град
ставит фосфором то царапины, то пометки.

И тут из гнездовья, как почерка, птенец поднимается и,
крылья свои только штрихами расставив,
дёргает небо, снимая одежды винт
вместе – с проросшим вовнутрь дождя – урожаем
лето будет холодным, когда назад
люди вернутся со всех не своих окраин.

Птенец поднимается прочь от дыханья, вдоль
высохшей, как поэзия, черепицы, –
перечисляя всех смертных, как рифмы, сколь-
ко их встретится – если полёт не длится,
а существует только внутри себя,

разминая – в утробе у хвори своей – таблетки,

птенец поднимается, с духом покров разъяв
его, царапает кожи свои - нечётки
эти следы, даже память его –
не братья уже, а след от обрыва плёнки
смазанный холодом и потопом до
дитёныша, что сияет внутри у полёта сойки.

ИМПЕРИЯ

Я же родился в империи – время даст, что я в ней умру:
ничего не бывает задаром – хрустишь хурму
лелеешь маузер за ширинкой или наган,
бабе своей говоришь: дура –
но не отдам.

Лоб прижимаю к своим границам в толчённом стекле –
стекло говорит: полетели – пока терпел
пару друзей, комнату и пустоту
за малым их кругом,
который меня во рту

влажном своем крутил по часовой, жевал –
хорошо ли быть маленьким? –
да, хорошо, и спасибо тебе, что меня держал
ангел, возможно куривший одну со мной на двоих траву,
я пережил двадцатый, двадцать первый не проживу.

Катится мёртвых вагон – скоро я здесь один и перрон
станет добычей дождя или горящих ворон,
варваров новых, любителей площадей,
свободных стихов, воды с водою –
не смей! –

говорю – переступай черту – крутись на золе своей, снова
строй не ту
империю, и не страну – огород,
капусту, всяк часовой – оборот
новый вставляет в речь, как бы в скважину ключ –
вот у меня нет родины – только язык. Вонюч

ватник, в котором в детстве ходили двором на двор,
пили палёный спирт с музыкальным названием – вор
после пяти ходок в зону, учил как молчать любовь
(каждый хохол был братом –
Полтавой – двор).

Вот и теперь выходишь – словно в зрительный зал
все персонажи со сцены сошли – или ум мой мал,
или зрение стёрто наждачкою табака –
трогаешь декорацию и говоришь:
пока.

Говоришь «пока» синей курице, что летит в облаках,
в облатке своей найдя, что цезарь ещё она,
что воздух, свернувшись в трубочку – свистит,
что детство всегда одно – пахнет подгузником,
возможно – чуть позже вином,
девою первой, возлегшей с тобою спать,
порезом, вокзалом, бритвой, которые учишься брать,
как революцией – улицу, ночь, фонарь,
ватник накинув на плечи, что ныне звучит,
как брань,
переминаясь с одной босой на другую босу стою
в зубах неся на княженье ярлык – как зека
пою в ноту своей богоматери – чудный поклёп словарю
и вокруг прорастает империя языка
и Византии его белый волк – в облаках.

ЛЕКСАНДР СЕМЬКИН

Ильичевск

Родился в 1973 году в Одессе. Публиковался в сборниках «Пространство слова.od.ua» (Одесса, 2010), «Территория I» (Одесса, 2010), в журналах «Южное Сияние», «Дети Ра», «Вахтенный журнал», в интернет-журналах «Гостиная» (Филадельфия), «Ликбез» (Барнаул) и др.

Член Южнорусского Союза Писателей (2011) и творческого объединения «Территория I». Лауреат Третьего международного фестиваля литературы и культуры «Славянские Традиции – 2011» (I место в номинации «Поэзия, свободная тематика, III место в конкурсе на приз зрительских симпатий в этой же номинации, I место в Поэтри-слэме). Лауреат международной литературной премии «Славянские традиции». Лауреат муниципальной литературной премии им. К. Паустовского (Одесса, 2013, I место в номинации «поэзия»). Автор поэтического сборника «Кризис среднего во» (2012).

ХИЩНЫЕ МАТЧИ ВЕКА

Снова солнечный мяч пробивает зенит
Третий раз колокольчик судейский звенит
Зрелым образом лузера ты знаменит
От ушей до шипов не аршавин

Полустоптанно кредо ударной ногой
Этот матч канет в лету как тот и другой
Ты бежишь автоголый душевно нагой
И мечтами траву орошаешь

Изумрудное небо и жёлтый кирпич
След от бутсы брильянтовой пылью кипит
Комментатор вздымает божественный спич
Кресла рвёт от восторга болельщик

Только сцллят харибдами беки бока
И поймают в коробочку аки жука

И порвёт нити связок дамоклов подкат
Матчи века жрут хищные вещи

ДАНО

Как возмутительно давно
не шёл я осени до дна...
И вот, в итоге, мне дано;
хотя верней сказать – дана
возможность эта: сам не рад,
ведь яд осенний так горчит,
темнеет кроличья нора,
блестят на столике ключи,
и их, увы, уже не взять –
я ростом безнадежно мал.
Как жаль, что в зеркало нельзя
нырнуть, а там – всю зиму.
Но как открыть мне эту дверь?
Непробиваемый титан...
И тает время на ответ,
и плачут часики: тик-так.
И я желтею, словно куст,
не поливаемый никем,
и склад НЗ надежды пуст,
и еле слышно вдалеке
звучит, заезженно высок,
мотив элегии Массне,
И что-то холодит висок...

Но это, к счастью, первый снег.

ВРЕМЯ ОДУВАНЧИКОВ

Свято время одуванчиков
с терпким привкусом во рту
сотни раз внушало мальчикам
разбежаться, словно ртуть.

И грозили указательным
следом полчища мамаш,
но летели по касательной –
мимо цели залпом мажь!

Никаких «уймись, прошу тебя»,
безнадёжно запирать:
вальс пушистых парашютиков –
к небу тянется спираль,

по которой, как по лесенке,
ввысь метнуться и пропасть...
Нет нужней, и бесполезнее,
чем влекущая тропа

в то несбыточно-заманчиво
детство сверху разглядеть.
Там вином из одуванчиков
весь пропитан летний день...

ПОВОРОТ

Я проскочил свой поворот, свернул не целясь, наобум,
и в ночь вошёл. Её порог был там, где лунный серп набух.
И звёзды сыпали капель слезинок из лемурих глаз
в бокал полуночи – коктейль,

и млечность в шейкере тряслась.

А бармен, странно бородат, болтал невнятно сам с собой,
ваял миры и города, и в кружки сцеживал любовь.
По-стариковски слаб в руках, он, еле унимая дрожь,
за то подчас себя ругал, что мир случался нехорош.

И лопался негодный мир хлопком ладоней, как пузырь,
и брызги падали в камин, и пахло сыростью грозы.
И я задумался о том, каков он, мир, где мы живём,
а ночь мурлыкала котом творцу о чём-то, о своём.

И тихо, чтобы не мешать, я развернулся на носках,
и вышел вон, ускорив шаг. И догнала меня тоска...

ЭТА ЖИЗНЬ...

*«Эта жизнь – хиросима,
в которой не страшно любить...»
Алёна Тищенко*

Эта жизнь – такая хиросима!..
Воздух с пеплом смешан терпким ядом.
А в глазах Любви лукаво-синих
зреют мегатонные заряды.

И рвануло б, стало бы полегче.
Не ногами – сердцем к центру взрыва
устремитесь, подобаться, лечь и
заплестись, как солнечная грива.

Лишь бы мы смогли дождаться жатвы
всходов зёрен ядерных зарядов,
только бы сумели продержаться,
друг за друга уцепившись, рядом.

Эта жизнь – такое нагасаки!..
Погляди, как нас свинцово плющит.
Мы не заслужили наказаний,
просто жизнь пытались сделать лучше...

ПРЕЖДЕ ЧЕМ...

Прежде чем уйти и кануть,
растеряться,
растерять, –
сохранись в зиме на память,
как в кусочке янтаря.

Лет так сто

шмыгнёт в окошко,
ты воскреснешь,
отогрет
в детской маленькой
ладошке.

Ты проклюнешься на свет
и протянешь к солнцу листья,
и расправишь стебелёк.

И в природе,
вдруг,
осмыслишь
всё Величество Её.

НИКО

I

– Что ты рисуешь, мальчик?
– Да всё, что вижу:
Весь этот терпкий, и пёстрый, и звонкий мир
С кисточки льётся, смеётся лукаво, брызжет
Радугой красок и ливнями нот гремит.

Сочно для сердца, шершаво для глаз на ощупь –
Он рисовал чуть смешно и наивно, но...
Людям летать и парить становилось проще
Над позабытым, ушедшим давным-давно.

II

Я вспомнил то, что было раньше:
Не жизнь, так две тому назад,
Смеялся благостно духанщик

И шурил хитрые глаза,
Несуетливо подливая
Слегка с кислинкою вино
В бездонный рог; струя кривая
Шипела, пенилась, и сном
Казался (так оно и было)
Уютный горный городок,
Шуршала речка под обрывом,
Полз виноград по стенке до
Цветастой вывески духана –
Зелёных букв на голубом.
И наблюдал народ, вздыхая,
Как ниже букв, вместив с трудом
Всё то, что с детства греет, манит,
Плеснувши радугу на кисть,
Парнишка Нико Пиросмани
Рисует солнечный Тифлис...

ЛЮДМИЛА ШАРГА

Одесса

Поэт, прозаик, публицист. Автор сборников прозы и поэзии «Адамово Ребро» (2006), «На проталинах памяти» (2008), «Билет в осенний день» (2010), «Рукой подать...» (2011), «Повесть о падающих яблоках» (2013), «Яблоневые сны» (2014).

Автор многочисленных публикаций в печатных и электронных периодических изданиях, лауреат международных литературных конкурсов и премий. Редактор сайта Творческой Гостиной «Diligans». Член Южнорусского Союза Писателей.

Не поднимет народ на народ меч, и не будут более учиться воевать.

Ис. 2:4

Не говори мне о свободе.
Мы все стоим на переходе –
нам нужна площадь перейти,
и н о г о н е т у н а с п у т и.

Мы вспоминали вкус свободы...
и становились кровью воды,
и пеплом стал крещенский снег...
Свобода на устах у всех.
Забыв пророчество Исаяи,
её, как кость, рабам бросают,
за эту кость голодный раб
служить рабу другому рад.

Не говори мне о свободе.
Там люди площадь переходят,
и может статься – перейдут.
Горит земля и там – и тут.

Кругом разверстая геенна,
шакалы воют, и гиены
из подворотен скалят пасть...
Не дай нам, Господи, пропасть
на этом страшном переходе,
где мы судачим о свободе.
И упаси нас от свобод,
что обещает переход.
Оборони от мук, от боли...
И дай нам волю.

ЯНВАРСКОЕ... СМОТРИ

Стихи распадутся на тысячи слов,
мир станет безжизненно бел.
Ты спросишь: какое сегодня число?
Никто не ответит тебе.
Всё сковано чёрным нetaющим льдом.
Кричи, если можешь...
Кричи.
Лети снегопадом,
и зимним дождём,
и северным ветром в ночи.
Смотри, как вздымается бездна горой,
как плоть рассыпается в прах.
как гинет в забвенье вчерашний герой,
и другом становится враг.
Смотри, как на брата охотится брат,
как Каина рдеет печать.
Господь Всемогуций не слышит...
Пора.
Кричи, если можешь кричать...

Смотри, как горячим дыханьем снесло
четвёртый... иль тысячный Рим,
где тысяча тысяч разрозненных слов
смешались и стали одним...
Смотри, как алеет нетающий лёд,
и пылью клубится гранит...

А Слово наутро ребёнок найдёт
и заново мир сотворит.

ВЕРБНОЕ... МОЛИТВА

*И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других
М. Волошин*

Что-то мы с тобою проглядели,
коль не вспоминаем о стихах,
пролетела Вербная неделя
в суете и в спешке –
впопыхах.
Вот и наступило воскресенье,
серебрится верба за окном,
только день не радует весенний,
на душе тревожно и темно.
Мне бы да поверить в небылицы,
кто не выдаст,
кто кого не съест,
мне б Страстную пережить Седмицу,
чтоб пролился Благовест с небес.
Пусть он *левых* боронит и *правых*,
в смутную годину,
в трудный час.
чтоб не стало чёрным и кровавым
Воскресенье Вербное для нас.

Господи,
невыносима дыба –
душу рвёт противоречий яд.
«Делай выбор!»
Надо сделать выбор!» –
те и эти хором говорят.
Укроти их гнев,
смири гордыню...

Господи, не гневайся на Русь...

Видишь, я стою посередине,
за врагов и за друзей молюсь.

ПОПРОБУЙ ОБОЙТИСЬ...

Девушка пела в церковном хоре...
Александр Блок

Попробуй обойтись без аллегорий,
без приторно-сладкоголосых лир.
Там ненависть раскачивает мир,
где девушка в церковном пела хоре.

Попробуй без проклятий обойтись,
в Свет обратись
и в Слово обратись.
Не спи.
На убывающей луне
шепчи:
война,
войной,
войны,
войне...

Оно спасёт.
А если не спасло,
не умножай ни боль,
ни скорбь,
ни зло.
Шепчи на убывающей луне
именослов погибших на войне.

Попробуй обойтись без аллегорий.
Скажи себе: в наш дом пришла беда.
Не *на* день – не на месяц – навсегда,
навек в сердце поселилось горе.

Нет лада,
нет согласия меж людьми,
и ненависть раскачивает мир.

Но... девушка поёт в церковном хоре.

С МОРЕМ ГОВОРИТЬ...

Молчать у моря –
с морем говорить,
сорить словами,
рифмами сорить,
все планы отменив и перепутав,
счёт потеряв секундам и минутам,
стоять у самой кромки – на песке.
Пускай весь мир висит на волоске...

Пускай покой давным-давно потерян...
Мой вечный черновик – мой вечный берег
меня зовёт,
и ходики стучат,
и новый день касается плеча,

вчерашнюю беду в стихи сшивая;
спешу, пока дышу,
пока жива я,
с утра из дома выйдя налегке,
оставить след на девственном песке:
слова ли одинокие,
стихи ли...
чтобы коснуться дремлющей стихии,
пера обломок сохранив в руке.

Пускай судьба висит на волоске...

Но для души отрада есть иная:
молчать у моря,
небо вспоминая,
сорить словами,
рифмами сорить,
молчать у моря —
с морем говорить.

ФИНАЛИСТЫ
IV МЕЖДУНАРОДНОГО АРТ-ФЕСТИВАЛЯ
«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ – 2014»

АЛЕКСЕЙ АБРАМЕНКО

Киев, Украина

ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕКУ

человек человеку друг и опора в старости
человек человеку тигр и кровный враг
мы выходим из дома от страха и от усталости
мы хватаем в руки первый попавшийся флаг

человек человеку был самой близкой родиной
человек человеку стал самым страшным сном
и так много друг другу сказать надо вроде бы
только вдруг почему-то во рту не осталось слов

человек человеку дом до известной степени
человек человеку в гости приносит торт
в этих сумерках вечноседых избирательно слепы мы
помним только обиды благое бросаем за борт

человек человеку исповедь и причастие
человек человеку суд приговор тюрьма
и недавно еще были здравствуй и будьте счастливы
а сегодня уже боже мой не сойти бы с ума

нам не нужно пустыни лицо испещрять полноводными
реками
и не нужно придумывать множество жизненных схем
человеку всего-то и нужно что быть человеком и
быть другому чуть больше чем просто никем

НА ОСЕННЕМ ПРОСПЕКТЕ

На осеннем проспекте, где толпы усталых прохожих
Непрерывно снуют, она явится из ниоткуда:

Ей на вид – двадцать три, впрочем, может, она и моложе.
Её легенький плащ бирюзовый, на парус похожий,
Треплет ветер, а в воздухе пахнет присутствием чуда.

Расписная тряпичная сумка с салатом-латтук и багетом,
Парой книг по искусству и, может, открыткой из Рима.
В волосах её мягких запуталось крыльями лето,
Она соткана вся из мелодий вечернего света:
Она столь же проста, сколько, видимо, неповторима.

Из кармана достанет она самолетик бумажный
И запустит его – он летит над мигалками «скорой»
Над дорогой, над парком, над домом многоэтажным...
Она молится тихо, чтоб чудо случилось с каждым –
И приносит весну в пожелтевший от старости город.

ПИТЕРСКОЕ НЕБО

Мерять шагами Дворцовую площадь проще
Чем местных туманов пытаться расслышать голос
Взгляд твой становится мельче, доверчивей, плоче
Не видишь пути – так шагай наугад, на ощупь
Ты думал, что мир – это шар. Оказалось – полость.

Ты думал, что мир – это шар. Оказалось – бездна.
Особенно здесь, где на каждом шагу каналы.
Ты якорем тонешь, и тут уж кричать бесполезно
А Пётр хохочет на дне – мол, какой ты бездарь
Ты бездны хотел? Так она тебя и доконала.
Сиди теперь тут да глазами стреляй вхолостую
Ты думал, что мир – это шар. Оказалось – небыль...
Вдруг издалека, осторожно – так пламя поет – аллилуйя
И сердце заноев, как будто бы от поцелуя,
И ты понимаешь, что это не дно, а
Небо.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВА

Одесса, Украина

Старые сказки умерли, выются лесные тропы, где так легко запутаться, запросто потеряться. Эрге умеет главное: ровно дышать и топать, Эрге умеет главное – не бояться. Что же там дальше, может быть, этот закат – последний, голод, как зверь разбуженный – сам скоро станешь пищей. Эрге не слышит голоса, верно идет по следу, Эрге своё пропавшее сердце ищет, будто не знает, кто теперь станет лишним.

Страх подступает к горлу, но ты не услышишь криков, сердце у пяток замерло, словно затихший бубен, кровью закат окрасили ягоды земляники, Эрге чужие тени целуют в губы. Ветер навстречу шепотом: «Всё, что осталось, спето, счастье твоё на привязи – плакать о том негоже. Что тебе было дорого, станет золой и пеплом, но, как и прежде, делай лишь то, что должен». Эрге же по-другому и сам не может.

Птицы с седыми перьями боль заплетают в волосы тех, кто своё падение смог обернуть полётом. Не говори об этом, не слушай чужого голоса, чтобы не оказаться к рассвету мёртвым.

Солнце упало в озеро, тропы уводят в небо, Эрге покорно следует, зная: не станет проще. Так далеко от прежнего вовсе никто и не был, Эрге узнал, какая весна на ощупь. Старые сказки умерли, новые стали постной кашей из сонной памяти, слов, что затихнут с кашлем. Эрге у самой радуги вдруг замедляет поступь, враз побелевший, будто не дышит даже. Эрге и сам не ведает, что там дальше...

Утром в дорогу, новое прячется в каждом дереве – кто ж его сердце жадное ласково держит в пальцах? Эрге идёт за счастьем, но так и не знает, где оно. Эрге умеет главное – не бояться.

И легко танцевать и смеяться, и петь легко,
Солнце – спелое яблоко, красное у боков,
И стучит барабан, к алтарю ведут сотню твоих быков.
И легко не кричать, не бояться и не жалеть,
Думать, что будет дальше, не зная, что значит смерть,
И стучит барабан, будто в такт ему вьётся тугая плеть.
И легко идти первым, отчаянно ждать того,
Как надежда прорвётся наружу сквозь твой живот,
И стучит барабан, чтобы каждый здесь знал, что ещё живой.
И легко не грустить и не плакать, пить молоко,
Все слова где-то в горле, но слишком уж глубоко,
И стучит барабан, тает боль под горячей твоей рукой.
И легко обещать, что забудешь, но не простишь,
Я кричу тебе: ну, отпусти меня, отпусти ж,
И стучит барабан, чтобы после яснее звучала тишь.

И когда ты увидишь, что нет никаких границ,
никаких условий,
В самом чистом и светлом чувстве столько всего намешано,
В груди затаится что-то холодное и тяжёлое,
словно чужое слово,
Словно тоска по давно умершему.
И когда пол покроется – нет, не кровью, – а просто пятнами
Молока, что никто из худющих твоих котят
все равно не вылакал,
Пусть прозвучит банально и пафосно,
но мы со смертью сыграли в прятки,
И это теперь не выплакать.

И когда мир покажется всем снова
надёжным, простым и прочным,
Ты поймёшь, что останешься
сломанным роботом с чипом выжженным.
Я напишу тебе завтра,
позвоню тебе завтра, встречу, где и когда захочешь,
Если мы оба выживем.

ДМИТРИЙ АРТИС
Санкт-Петербург, Россия

Но город пуст, как божья пятерня,
просившая когда-то у меня
любви немного, прочему не веря.
Я шёл к нему века тому назад,
и не считал безусый циферблат
к моей руке пристёгнутое время.

По улицам, подобно голытьбе,
гоняли ветер хлопья голубей,
росли дома с покатыми плечами,
брусчаткой покрывалась колея,
а я всё шёл, вернее, ковылял,
ещё вернее, длил свои печали.

Ещё немного и песчаным ливнем
накроет Рим, последний, третий Рим,
и мы с тобой об этом говорим,
а надо бы о чём-нибудь наивном.

Допустим, о бессмертии вселенной,
но мы упрямо говорим о не-
избежности: об атомной войне,
о том, что все умрут и мы – со всеми.

А надо бы о чём-нибудь попроще:
об ангелах на маковке сосны...
Украсили рождественские сны
освоенную в бункере жилплощадь.

Уже ничто не будет повторимо,
уже никто не будет повторим,
и мы с тобой о Риме говорим,
но Рима нет, не будет больше Рима.

Однажды мы случайно где-нибудь
в конце вселенной встретимся и снова
соединимся в целое одно,
единое, прозрачное, большое.

Когда-нибудь окажемся вдвоём
на высоте последнего пространства
и никого не будет, ничего
не будет между призрачными нами.

Должно быть, через пару сотен лет
или, того страшнее, много позже
сойдёмся без особенных причин,
как будто никогда не расходились.

Два совершенно разных существа,
далёкие, полярные друг другу,
мы станем завершением небес,
невидимой, но осязаемой точкой.

АЛЕКСАНДР АСМАНОВ

Москва, Россия

ОДЕССА НА РАСПУТЬЕ

Тут загар задарма, запах йода и влага волны,
Все же прочие блага накладны и бьют по карману,
Но зато горизонт так широк, что как будто вольны
Мы проститься немедля и в дальние двинуться страны.

Собирайся, плывём, в чемоданный ударимся быт,
А покуда гудки, и покуда не убраны сходни,
Напоследок побродим по жару полуденных плит,
И последние слёзы светло и бессильно изроним.

Тут, где жили цари, где в подвалах дряхлеет вино,
Где курортная мгла изнывает под знаком Венеры,
Тут была тишина, но когда-то безумно давно,
Тут роились знаменья, а нынче роятся химеры.

Мы проколем насквозь голубое пространство воды,
И появимся в мире, где правит уверенно график,
Мы придём, как слепцы, и большой не случится беды,
Если наш поводырь нас умело и быстро ограбит.

Вот возможно тогда, помолясь незнакомым богам,
Мы прознаем причину обиды, бессилья, печали:
Легче выжить чужим, прибываясь к чужим берегам,
Почему? Потому, что родства они... не обещали.

А.У.

Где-то в лесу потерялся родник,
Где-то в далекой чащобе возник,
Долгую ношу понёс.
В каплях листвы понабрал полноты,
В длинных равнинных ночах – темноты,
Холода, песен и звёзд.

Он уж давно стал тяжёлой рекой,
На берегах его сытый покой,
Сёла, поля, города...
Пристани лодок, паромы, плоты,
Вёрсты полны суетой красоты,
И всё темнее вода.

Старая магия старой реки,
Омуты и осетров плавники,
Чёрных волков водопой...
Травы седые и стебли ракии,
Маковка церкви и брошенный скит,
И снегопад голубой.

В стылую полночь не видно ни зги,
От одиночества ломит виски,
Призраки рыб. И семьи...
Вот ты иходишь, мой бледный дружок,
Тонкой ступнею ломая ледок,
В тёмные воды мои.

**ОБВИНИВШИМ МЕНЯ
В РАЗЖИГАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ
ЗА ОСУЖДЕНИЕ БОМБАРДИРОВКИ ЦХИНВАЛА
ГРУЗИЕЙ**

*«...Но пока я живу – помолчите про Господа Бога...»
Ю. Гончаров*

Даром слёзы растратив при тех, кто не тратится даром,
Сожалея о тех, кто не духом, а жалостью нищ,
Наконец-то и я обвинён в разжиганье пожара,
Как любой, зажигающий свечи во мгле пепелищ...

Потерявшим лицо не к лицу сожалеть об утрате,
Хоть трава не расти для того, кто заведомо прав...
Мир, живущий под бомбами лучшей из всех демократий,
До чего ж ты свободен, речист, голосист и кровав!

Мы всем этим болели – сегодня подводим итоги.
Мы несли убеждения по свету огнём и мечом...
Ваш черёд, но при этом – не надо о Господе Боге.
Это – выбор для нелюдей. Люди и Бог не при чём.

Нет, свеча – не пожар. В ней горят покаянье и опыт,
В ней надежда живёт, исцеленье болезней и ран...
...Вот и призрак известный покинул пределы Европы.
Жаль, не спинул совсем – жаль, что лишь пересёк океан.

МАРИЯ БАНЬКО

Киев, Украина

МАЛИНА

Ты видишь дом, и в этом доме – дом,
А вот рукав, и в рукаве – кулья
И воздух, образующий протез.
Ты в шесть-ноль-ноль спускаешься в метро,
А в шесть-ноль-пять выходишь из себя
На площади, где что ни день – протест,
И вымпелы, и кто-то выпил двести,
Теперь поёт. А ты устал быть тут.
Друг говорит: «Твоя рука на месте»,
До синяков сжимая пустоту.
До сахарного хруста – пустоту.

Да, это просто полная луна, не полуобморок, не полуоборот
к кусту малины (ягод нет, но – запах!)...
Вдыхаешь запах, набиваешь рот
тягучим запахом. И начинаешь длинный
Нелёгкий путь к себе, на юго-запад.

Тебя зовут Йен Ашер – продаёшь
Себя, друзей, ковры, автомобиль,
Всех девушек, которых не любил
(А вдруг любил? Невелика потеря...)
Даёшь с походом – получаешь трёшку,
Не понимая, как ты накопил
всего лишь трёшку –
без пяти копеек.

И вот малина, а, вернее, вкус!
Ты – гол, мир – глина, мягок и податлив.
Целует землю синий Иисус,

Набитый у кого-то на лопатке.

И сок течёт по пальцам, где артрит
Уже вьёт гнёзда, поднимаясь выше...
Вдруг замечаешь – больше НЕ болит.
Кричишь: Боли!
Пожалуйста, боли!
Но боль – глуха, но боль тебя не слышит.

МОНЕТКА

Сторукая карлица – бледная яблоня белый налив,
не ждущая дождь: разлюбившие так – не ждут.
Живи в пол-лица. Видишь, ангел сидит на сливе,
а хочет к тебе, но сидит, потому что труд
и так небольшой – потакать ни себе, ни людям.
Пой, яблоня, пой, наблюдай урожай: ещё
взойдут на белёсое солнце – фруктовое блюдо,
и будет их поровну – съеденных и прощённых.

И всякая голова в болезнь, и всякое сердце – в плач.
Полю плаща поржавевшим лезвием вспарывают
пространство.
Вот на кухне вдова – молодая, смогла, не прячет
лица. Пусть учится притворяться.
Работа проста, как мир или мирный атом:
трепанация чайника, препарирования томатов,

натирание мелом фамильного серебра.
Живёт как без ножки пуговка – не пришей,
из тёплого дождика выгнанная взапой,
монетка, зависшая в воздухе – нет ребра.

А в городе доброго воздуха воздух прян,
когда карнавал не по пятницам, а уже.

Здесь время не тонкой ниточкой, толстой пряжей,
дешёвой женой набрасывается на шею.
И хочется пить, но два месяца нет дождя,
и влаги не жди: выживают не все хордовые.
Блестящие люди спускаются к океану
и смотрят на рыб, и потом превращаются в воду.

Но фокус смещён – у воды златоногая барышня
танцует фламенко. И мечется *cante bondo*
испуганной птицей. Красная, как боярышник,
шаль превращается в анаконду.
И вот начинается с капли – а там и дождь, и
дожили – ливень – шекспировский, свифтовый – падает
на круглую землю взмыленной, серой лошадьё,
и катится по миру кислое серое яблоко.

Вот ангел на сливе почешет крыло – и к карлице,
Блестящие люди становятся серебром.
А кислое яблочко катится, катится, катится.
Чайник вскипает.
Монетка падает на ребро.

ТУФЛИ

Вот русский город, круглое вино.
День длится медленно – не долетит до взмаха.
И кровообращение во мних
Звучит колючим музыкальным знаком,
Терновым ключиком на чём-то золотом.

И ты пойдёшь: прокат, велосипед,
Смешные шапки, новости с фронтов.
Так мама отдаёт другим пантофли,
Которые тебе ещё не жмут,
Но там нужней: иди играть в футбол,
Не будь сопля, не притворяйся рохлей,
Ещё чего – ты скоро гражданин.

В таких домах всегда нет сыновей,
Всё только братья. Сны с чужой руки
Скрипят, как в коридоре пианино.

Немного музыки – работай кулачком,
Не ешь с утра, желательно, не шаркай.
Сервиз блестит, как звёздочка на бляхе.
Бери бидон – пусть сладкая айва.

От пуза ешь, потом беги в собор:
Там лавки тёплые, и музыка, и мних.
Так хорошо, что там не жалко туфель.
Их очень любит кто-нибудь другой.
Когда увидишь – не кричи «мой»,
Молчи «мой», растерянный и глупый.
Забудь «мой» – так утихает вихрь,
Так вырастают коренные зубы.

ЮЛИЯ БАТКИЛИНА
Харьков, Украина

Тем, кто вырван с корнем, какой уж теперь уют
на семи ветрах.

А они сидят в осаждённом городе и поют,
выпевая страх.

Крепостные стены в провалах и так ветхи,
и король старик.

А они сидят и читают ему стихи
из горящих книг.

И никто не выживет, если вдруг,
ни герой, ни трус,
и уносит на синий север, на белый юг
их бездомный блюз.

МИНОТАВР

Известно, что чудо случается, если не ждёшь.

Вот, например, представляете остров Крит?

Когда Минотавр покидает свой лабиринт,

На Крите тепло и дождь.

Садится в автобус желтый — а что бы нет,

Когда постмодерн и стаяли ледники.

И солнце ему — как рыбка на глубине...

Покинул тюрьму? Теперь и себя покинь.

Когда Минотавр оставил свою тюрьму,

Когда он в лазурном море топил ключи.

Он думал: «Наверное, это конец всему».

И долго невроз и травму потом лечил.

Теперь Минотавр не грустен. Какая месть?

С утра ему кофе, а вечером ча-ча-ча.
В обед ему хочется пару подростков съесть,
Да лабиринт мерещится по ночам.

И как он лежит, и его серебрит луна,
И как с вековечной кладки сдувает пыль.
...и как Минотавру надо – ключи со дна
И в старые камеры с новой своей тропы...

На Крите – ноябрь. Ветрено и темно.
В музее уснул охранник и всё закрыто.
И было бы все банально и плохо – но,
Но Минотавр не купит билет до Крита.

Он только порою думает: «Там, наверно,
под небом дождливым поникла листва у лавра».
Эх, если б тюрьма оставила Минотавра!
Но это плохая сказка для постмодерна.

СНЫ О СЕВЕРЕ

Выключи музыку. Панику – пересиль,
Это непросто, но...
Белка бежит по дереву Иггдрасиль,
Небо черным-черно.
Не отводя глаза, на него гляди,
Может быть, ты не Один – но не один.

Видеть и знать – вот это ли не судьба,
Прочее ерунда.
Полнится шумом бешеный автобан,
Сумерками – вода.
Дышит во мраке море, а в море – змей.
Он замыкает кольца, и ты – посмей.

Смейся, смелей, а большего – не проси.
Большее – до поры.
Ветви полощет дерево Иггдрасиль,
Ниже свои миры.
Тянется ночь длинней, города – темней.
Белка бежит – от веток и до корней.
И ничего из этого, просто так.
Стекла морозит белая пустота...

ВИКТОРИЯ БЕРГ
Калининград, Россия

ТРЕТИЙ ТРИМЕСТР

Жизнь испив не то чтобы до доньшка –
до пустой и полной половины,
чувствуешь себя порой зародышем,
прикреплённым к небу пуповиной,
а порой – мячом в ладошках Таниных –
стук да стук, и в пруд случайно брошена.
И скользишь по глади понимания
вслед за водомеркой заполошною,
алый бок горит в глазах фасеточных
низко пролетающего ангела.
Все пути давным-давно отмечены,
только твой всё надвое да надвое –
между элодеей и эйхорнией.
С каждым годом выбор всё усерднее.
Оттого и давит благотворное
вод околоплодных милосердие.

НИЧТО НЕ КОНЧАЕТСЯ

Милая, как тебе спится
в доме твоём,
в месте, где нет дорог,
только поля ромашковые,
где бесконечна даль –
девственный окоём,
где вперемешку дни –
завтрашние и вчерашние?

Стукнет ли клювом синица
в рамку окна,
тронет ли ветер прядь,
душу твою приманивая, —
что ты увидишь там,
в коконе светлом сна,
где так легко не жить
чувствами и желаниями?

Может, пронизанный солнцем
сосновый лес
или холсты болот,
бисером клюквы расшитые?..
Знаешь, а здесь — без тебя —
стало меньше чудес.
Сложены сказки в ларец —
чаще берём молитвами.

Милая, в городе нашем
 снова дожди,
птицы орут, дуря,
пахнет землёй прогретою.
Я покажу тебе, только
в сны приходи —
солнечной далью,
ромашковой гладью,
рассветами.

ДИСПОЗИЦИЯ ПО ШТЕРНУ

Рыдала ключница Гликерья, слезой закапав пирожок: «Вишь, барин плёткою ожёт, суровенек опять с похмелья». Нахмурившись и подбоченясь, рукою щёку подперев, пеня на хозяйский гнев, внимала причитаньям челядь. В окошко билась нудно муха, стучали ходики – тик-так. «Видать, навёл нечистый враг за невоздержанность проруху, – шептала кучеру кухарка. – Вечор у барина она все хохотала, сатана. А утром, глянь, – с каким подарком...»

Гликерья, приспустив сторожку рубашку с белого плеча, от плети вспухшую печать всем показала и ладошкой глаза отёрла. Колокольчик в покоях барских зазвенел. Гликерья стала, словно мел, бледна, и, причитать закончив, поправив локон медно-русый, в покои барские ушла... Звенела за стеной пила, стучал топор, орали гуси...

К обеду небо потемнело, взметнуло ветром к небу пыль, кобель у кузницы завыл и получил за это дело. Но не смогли ни вопль, ни громы уже мятущейся грозы унять восторженную зыбь и сладость чувственной истомы лежащих в барской почивальне.

Кухарка, очищая лук, прислушалась – затих ли стук и стон. «Закончил, вишь, охальник. А то всё драться. Вот ведь дело. Папапа тоже был мастак – баб портил, так его растак...»

Лицо старушки потеплело...

ЮРИЙ БЕРДАН
Нью-Йорк, США

ОКТЯБРЬ В ОДЕССЕ

Последняя улыбка стюардессы,
И замер Боинг, успокоив дрожь.
Ну что ж, привет, аэропорт Одессы!
Октябрьский день. Конец сезона. Дождь.

Он – не сюрприз: прогнозом был обещан,
И лить ему ещё четыре дня.
О, господи! Полно красивых женщин,
И ни одной, встречающей меня!

Завидно мне, но не подам я виду,
Наброшу плащ и в гулкий город выйду...

Вдруг повезёт и встречу эту пару –
Она и я... Сквозь красный листопад
Идущую вдоль моря по бульвару,
Держась за руки, жизнь тому назад.

ПЕРЕВАЛ

Над перевалом первая метель...
В дверном проёме синий всполох платья.
Спаситель мой – в три номера мотель,
Уютный, словно женские объятия.

Чай, курага да за окном пурга,
А что потом, мы только богу скажем...
Ни друга, ни любимой, ни врага.
Сын вырос, дом построен, сад посажен.

Покаялся, долги вернул. Почти...
Нарежу сыр, стакан вином наполню.
Клятв не давал, но всё равно прости
За то, что рук и губ твоих не помню.

Моя тридцатилетняя война
Закончилась во мне позорным миром...
Душа беззвучна, терпок вкус вина,
Изыскан сыр и пахнет свежим мылом.

ФАТА МОРГАНА

Мираж, фата моргана, круговерть
На скорости двадцать шестого кадра:
Нет ничего – начало только завтра,
Есть только бездна вод, земная твердь,
Ни горя, ни улыбок, ни азарта,
Ни пенья птиц, ни грёз в начале марта,
Ни звёзд, ни неба – некуда смотреть,
И предсказать мне жизнь мою и смерть
Ещё не сможет в скверике Кассандра.

И я никто и звать меня никак,
Ещё платан не вырос возле дома,
И с первенцем, заснувшим на руках,
Не ждёт меня до первых звёзд мадонна.

Нет бомб и пуль, не тонут корабли,
И день в Спитаке безмятежно синий,
И безрассудно молодой и сильный
Ещё не задыхаюсь от любви
Нечеловеческой, невыносимой.
Ещё земную твердь не погребли
Ни доллары, ни евро, ни рубли,

Ни пепел «близнецов» и Фукусимы.

Всё впереди: надежда-правда-ложь,
Мгновение, что сотни жизней длилось –
На белой блузке бабушкина брошь
И девичьего лифчика стыдливость,
И первых губ застенчивая дрожь,
И губ прощальных северная стылость.

За перевал, где ужас и война,
Уйдёт гроза, в полнеба полыхая.
Погода дрянь и видимость плохая,
И над Голодной степью пелена –
Коричневая пыль, стена глухая,
И тусклая, как фикса вертухая,
Зависнет узкоглазая луна
Над сумасшедшими заревом Шанхая.

И задымится в двориках сирень,
И безоглядно мы в добро поверим,
И вечер взвоят тысячью сирен,
И прыгнет на Манхеттен рыжим зверем.

Ещё услышать той пальной весной
Звучащие из Домского органа
Бесстрастность дюн и ярость урагана,
И нежность вперемежку с сединой,
И то, что было-не было со мной,
И то, чему не быть – фата-моргана.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЕНКО

Керчь, Крым

ВРЕМЯ ПТИЦ

Когда щебечут птицы
вразброд и невпопад,
с гармонией той слиться бы
и превратиться в сад! –

расхристанных регистров
органный звукоряд,
где певчие меж листьев,
как яблоки, висят...

Душой своей незрячей,
помятой, как гармонь, –
пронзённых светлым плачем
блаженных тех не тронь!

Когда они рыдают,
срывая счастье в крик, –
кто знает? – Бог весть знает –
за что нам – этот миг...

ПРИГОРОД

Ни – грусти, ни – печали,
просто:
даль! –
сиреневая
в профиль горбоносый.
...Едва ли чья туманная вуаль
замаскирует все эти наросты

земной коры,
коллоидным рубцом
восставшей
из-под зубчатой короны
«архитектурных линий»,

налицо —
морщинисто
и ломкоброво...
Меж спичечно карманных коробков
Хрущёвок
без того, как на ладони —

микрорайон,
закатанный в бетон,
да пригород в метелках сухостоя...

И шелково,
что айседоров шарф,
шоссе кольцует гадиною льстивой —
по-русски обезбашенный ландшафт
размашисто улётной перспективы.

Война, довлея опытом
вылущиванья глаз,
в расход серпов и молотовых
списывала нас.

Нечаянность пацанчиков
виной чужою пасть,
из гаубиц и танчиков
выстебываясь всласть,

фривольно мины сеяла,
рвала за пядью пядь.
А смерть ждала и верила
бесславнейшею стать,

в славянские угодия
вгрызаясь, как в своё.
За верность БогоРодине,
от мира не сего.

Бараков-баррикадушек
барокко-рококо...
Братишек-обознатушек
забвенье глубоко.

Там, где-то на окраине,
над пропастью во лжи,
точат-точат сакральные
булатные ножи,

кипят котлы кипучие,
горят, горят огни...
А ты же не по случаю
надежду сохрани

для Авеля и Каина,
спасенья ради, для
прощенья и раскаянья
в безбожье бытия.

ДАРЬЯ ВЕРЕТИНА
Мичуринск, Россия

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ

По ком-то все звонят колокола.
В туман сомнений прячется дорога.
Та девочка, которой я была,
Не узнаёт меня и смотрит строго.
Пренебрегая собственной судьбой,
Не избежать в груди глухого женья.
Тот мальчик, что когда-то был тобой,
Давно своё не любит отраженье.
Слова любви невнятны и тихи,
А лишний не всегда бывает третьим.
Я каждый год пишу тебе стихи,
Чтоб ты их, как и прежде, не заметил.
Сварить глинтвейн, включить тягучий джаз,
Пусть боль накроет свежее волною.
Похоже, чудеса не верят в нас,
И потому обходят стороною.
Мы до сих пор боимся игр с огнём,
Но северу не стать дороже юга...
...Те девочка и мальчик день за днём
Проводят в ожидании друг друга...

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Прими как данность: ты «почти пейзаж»,
Хоть лес вокруг (вот жалость) – не саксонский.
Ты душу свою дёшево продашь,
Но шум толпы и гулкий топот конский

Тебя к ответу призовут скорей,
Чем ты потратишь первую монету.
Уплыть бы прочь за тридевять морей,
Да в лодке течь. Просить подать карету

Уже не по годам и не к лицу.
Безгрешных нет – есть жажда бросить камень.
...Тебя ни ко двору, ни ко дворцу
Не пустят. Ты отравлена стихами.

ПРОЩЁННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Здесь пахнет отчаяньем, и тишина
Грозит обернуться зловещим затишьем.
По страшному кругу блуждает страна,
Где каждый имеет возможность стать лишним.

Отныне, и присно... Грехами отцов
Нельзя объяснить, что творят злые дети.
Но тот, кто веками скрывает лицо,
Давно отказался за нас быть в ответе.

Обыденность зла позволяет считать
Любому из ста сорока миллионов,
Что если сложить два и два – будет пять,
В обход объективных и чётких законов.

Незнание – сила. Затих метроном.
И вновь в монтаже нашей памяти плёнка...
Обманчивый мир за немывтым окном
Спасти не способна слезинка ребёнка...

ЛЕВ ВИЗЕН

Виктория, Канада

И, МОЖЕТ БЫТЬ, ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ...

Прощалась с августом трава,
был влажен мох.
Он отдавал, дыша едва,
ей всё, что мог...
И принимала глубина
её – его...
И пела горькая струна
про ничего.

Ах, бабье лето ... Не стихи
под бирюзой.
Остались где-то женихи,
сарай с козой.
Как небыль – давнее-давно
пропавших лет.
И счастье – где и как оно?
Ответа нет.

Порой сильнее мужиков
их медсестра.
Но нет уж сил, и нет уж слов –
так боль остра.
Ползи, бинтуй, тащи, держись ...
И звон в ушах.
Не колокольный. Врут про жизнь,
что хороша.

Сочится кровью медсанбат.
Прах деревень.
И всё, что есть – живой солдат
и, может быть,
последний день.

ГОСПОДА, НЕ МЕНЯЙТЕ ФАМИЛИЙ...

И легки и приятны улыбки:
– Mister Smith!
– Mister King! ... I am glad!
И меняют карманы визитки –
Камуфляж неудач и побед...

Шли истории кордебалеты.
Рабский разум кумиров вял.
Мы
 не слышали Бога советы,
Мы
 покинули круги своя.

Катаклизмов среди и ненастий,
Заменяя
 небес приговор,
Королей и плембеев
 династий
Дни
 решал в бурных пятнах топор.
И земля цепенела и стыла
От протопленных
 Нами
 печей.

И
из нас
 было сделано мыло
Отмывавшее палачей...

Господа,
 не меняйте фамилий.
Цвет один
 у крови и огня.
Пусть под стенами новых бастилий
Бережёт вас генетик броня.
Mister Smith,
 оставайся – Семёнов,
Mister King,
 помни, ты – Кацнельсон.
Бесконечных освенцимов стоны
С православной мольбой –
 в унисон.

Мы есть мы.
 Мы есть мы.
И – навечно.
 Не меняйте имен, господа.
Наши дни на земле быстротечны.
Наши вера и кровь –
 навсегда.

Ах, осень,
 мудрая колдунья,
расшелести тлен и покой.
Опять,
 в прохладе полнолуния,

зажги откосы над рекой.
В туманности –
 вколи дурманы,
плесни вина в прозрачный дождь,
а гром –
 пусть грохнется в поляны,
ненужный, как вчерашний вождь.

Пусть ветка
 тонкой танцовщицей,
заломит руки в вышине.
Пусть в октябре
 апрель приснится
с воскресной вербой на окне.
И пусть
 залогом возвращенья
всего, что превратится в прах,
вновь слышится
 Его прощенье
в рождённых звёздами ветрах.

Указом хвойного синода,
вели признать и пням в лесу,
что в осень –
 лётная погода.
Её письмо пусть принесут,
пусть будут ночи непохожи...

Прибавь любви,
 добавь стихов,
И расставанье мы отложим
до третьих снежных петухов.

АННА ГАЛАНИНА

Москва, Россия

Чуть южнее севера – Петербург,
а восточней запада – Ленинград.
Это стрелка компаса, сделав круг,
повела часами бродить – назад,

где туманней памяти – острова.
Там дома с парадными до сих пор,
и белее снега на Покрова –
свет, летящий сверху в колодец-двор.

В нём и южный ветер тревожно-стыл,
и считать ушедших легко – до ста...
А когда собьёшься – сведут мосты,
и дойдёшь до Аничкова моста...

Поплюёшь в Фонтанку – такая муть...
На коней посмотришь – и всё же, мощь.
И пойдёшь обратно – куда-нибудь,
где чернее вечера будет ночь.

Всё суета, мой дорогой, всё суета...
Твой город – странный, неуютливый, и всё ж,
он открывается, когда ты занята –
несёшь свой крест, и что попало, – всё несёшь.

Он принимает. Забирает и даёт –
всё как обычно, дорогой. Но иногда,

кружа Бульварным, вдруг услышишь, как поёт
о чём-то дальнем свиристель на проводах.

И чемодан-верблюд услужливо горбат –
привык летать. Такой вот выдался Пегас...
Везде Арбат, мой дорогой. Везде Арбат –
его штампуют замечательно, на «раз».

И что ни город, – всё один торговый ряд
и небоскрёбы – от велика до мала...
А на Полянке удивительно звонят
колокола, мой дорогой... Колокола.

Левее от фонарного столба
и справа от бочонка с рыжим квасом
свернуть туда, где не слышна толпа
и сытый дух московский, дух колбасный.
Вперёд, пока есть силы... Там, пыля,
девчушка жмёт размеренно педали...
А дальше – лес и поле... Нет, поля –
куда ни посмотреть: поля и дали.
И бабушкин, на пять окошек, дом.
А может быть, – всех бабушек на свете...
Там дед стучит усердно молотком –
как все деды, за каждый гвоздь в ответе.
И всё взаправду, и наоборот,
и есть чулан, где прячутся потери...
Там домовой за печкою живёт.
Он может быть, сейчас в меня не верит.

ЮРИЙ ГЕЛЬМАН
Николаев, Украина

Я был в Одессе, но почти проездом:
с наскока, сдуру – только по делам.
Но море затухающим оркестром
везде за мною кралось попятам.
«Пятёрка» по Французскому бульвару,
выстукивая песенку в мозгу,
несла меня к осеннему пожару,
боясь, что я не выдержу, сбегу,
что отмахнусь нелепыми делами
от Пушкинской, где – точно маяки –
стоят платаны с голыми стволами
и ждут прикосновения руки,
от Пироговской или от Еврейской,
от седины шлифованных камней,
где каждый дом, поглаживая пейсы
и щуря окна, подступал ко мне.
И я бродил по стареньким бульварам,
и я шуршал опавшею листвою,
а кто-то звал позировать задаром
и предлагал портрет «почти живой».
И зазывала скромная аптека:
«А шоб ты был здоровеньким у нас!»
И на скамье два взрослых человека
играли в домино – на ананас.
А я бродил, в карманах пряча руки,
чтоб не глупить, не трогать всё подряд.
Одесса – сколько жизни в этом звуке!
Прости мне, Пушкин, этот звукоряд.

Одесса, я рождён волною Бугской –
еврейский сын украинских степей,
но тополя на Малой Арнаутской
пустили корни в памяти моей.

О чём стихи?
Так, ни о чём...
О том, как стремглав проносятся сутки;
о том, что кто-то навис над плечом;
о том, как пошли чужие шутки.
О чем стихи?
О крылатом конвое,
оцепившем ночью письменный стол.
О шёпоте,
стоне,
о крике,
о вое
склонившихся над листом.
О том, как всклокочены
мысли-паяцы,
слово в слово жизнь повторив;
о том, как волосы-протуберанцы
разряжаются в воздух
искрами рифм.
Письменно, устно –
под напряжением –
как на ветку,
на строчку чёрным грачом –
упаду
и замру без движения.
О чем стихи?
Так – ни о чём...

Завидев свет, мелькнувший в темноте,
я вдруг поверю собственной мечте,
но посреди вскипающего сада
твои опять почувятся глаза...

Разлука – виноградная лоза,
а месяцы – как гроздья винограда.
И всё.

И больше ничего затем.

И не было у нас запретных тем,
и лунные постанывали тени,
но ты однажды поняла сама,
что сладкий сон испортила зима,
а вместе с ним –
судеб переплетенье.

И всё.

И в круге света – пустота.

Я начинаю с чистого листа,
в который раз ищю слова босые,
чтоб вместе с ними по лугу бежать,
встречать свою любовь
и снова ждать,

когда закончатся дожди косые.

Тогда и свет, разбивший темноту,
предъявит мне на самом деле ту,
которая опаздывала всюду,
не успевала на последний шаг,
невидима, как взмах карандаша,
и ту, с которой я навеки буду...

Она придёт с журчанием ручья –
загадочная женщина.

Ничья.

Ни лунная она и не земная.
И зазвучит космический хорал,
и рта её изменчивый овал
мне скажет:
«Боже, как же ты устал!..»

И я её по голосу узнаю...

ИРИНА ДЕЖЕВА
Одесса, Украина

На 90-градусном градуснике 45
Измеренье пахнет резиной
Тщится себя узнать
Папой, малышом, любимым
Скотом на выжиганье плеча
Студнем Пальмиры
С подобным катышком у виска
Нас не сдержат отрывки мест
По неисполненным пьесам
Палит дуплет допросов
Так косо хороня
Учитель, заматая след
Принося матрац
Подкидывая тухлое просо
Нас не увидят
Назвавшие температуру кровью
Виток –вне– сравнителен изначально
С битком с выеденными глазами
Плетью как палицей распятой полиции
Но Ваши наконец-то хочется сохранить
Пальцы
Торцом разведённые
Пальмы
Без измороси железобетонной
В народье – кляксы
Поверят ли едва
Извольте воском
Катится пребыванье троп
Под парашотом кровли
Из сердца в сердце

Обжечь глаза
Углом ровным, харкающим голыши по ряби
Жаждающих бед, когда бездна, когда нужна
Сила
Вторая
и третья...

Время погубит героя последним...

Танго свьючилось
Танцуем на дороге
Фальшь облезет
Как земной фасад
Поиграем в киндера на слоги
Или просто пухло – наугад
Рай как день
Нам выдался однажды
Век как мяч
Вприпрыжку с куличом
По жилым гробам с солдатской флягой
И набойкой, трущей за душой
Разведём всё то, что не горело
Долгий свет, судьбу без языка
Поглядим, как времечко по следу
На суровых сваях имена
Под юбкой
Растолкует
Кашлянув на зёрнах
Сальных луж покинув небеса
Неопознано – всегда проворно
Ни портрет, ни ласка. Тишина...
Лопухи беспутно тянут лето
Электронных встреч отмаялся обзор

Электронных лиц бесцветные верёвки
Сколько их?
Танцуйте
Ржавые пупы
Зовите
Громко
Крик чужих земель
Попутку слёз
Герою помощь?
Да, нужна
Только, пожалуйста,
ско-р(а)-о-я...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В платиновый век отправятся уделы
В сонный корпус подадут ветер
В уши воткнутся ладони-лилии, слушай
Когда он чёрный, я – белая
Когда я бледная, он – серый
Ресницы по-том рисунок
Мокнущи в любви спрянув
Пришёл закашлявшись
Перевернув до зёрнышка
Покинув небосвод
По язвам пряным ссал как по пятам пути и лужи
Спрошают: падаю иль подаю
На сальной сусе взмокшее тепло
На ужин – душу
И волосок по волоску
Малютки, храните термин от тесненья
Прощённые прошены, порозовело
Трос звонарный как глухарь глотает сон
Встретимся перьями на поминках Запы
На танцполе в рыжем городе Армагеддон

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВ
(Бор, Нижегородская обл., Россия)

НА СЕМИ ВЕТРАХ

На семи ветрах построен город –
будто из-за пазухи на свет
вынут кем-то – на причуды скорым.
Здесь живу я словно сотни лет.
Словно сотни лет разрыты ямы
и дорог растянуты жгуты.
Спит интеллигенция в пижамах,
веря с детства в ужас темноты.
Люмпен держит топоры на съёмных,
Фёдора Михалыча не чтя.
И пыхтят дома, как злые домны,
в стетоскопе старого врача.

Я иду по кромке этой чаши:
вправо – бездна, влево – польнья.
Сердце бьётся яростней и чаще
с каждым рваным криком воронья.
Здесь зима – не то, чтобы простуда,
а банальный повод прятать нос.
На вопрос «откуда?» – «от верблюда!»
отвечают чай и абрикос.
Мы привыкли жаться к этим стенам,
холод как обычай переняв.
Здесь из кожи крокодила Гены
взрослый мир пошил себе рукав.

На семи ветрах построен город –
сотни звуков, сотканые в шум.
Трубами, как пушками линкора,
метит он в небесную баржу.

Костной пудрой, выпавшей в осадок,
заметает чёрные следы
белая метель... Флакончик с ядом
и рецепт «три раза до еды» –
на дешёвом стуле у кровати.
Дочитать и выключить торшер.
Ночь, зевая, разожмёт объятыя,
как в раю, который в шалаше.

НА БЕЛОМ ГРУЗОВИКЕ

Вот въедем мы на белом – будто снег –
грузовике в провинциальный город,
где в Центре – царь, а, может быть, генсек
стоит на постаменте и с укором
глядит в глаза потомкам, где дворы
колодцами – в предчувствии ведёрка –
чернеют, дно скрывая до поры,
где рубль измятый – скромный признак торга.
Куда с тобою, друг, нас занесло? –
ведь мы мечтали, помню, о триумфе,
о том, чтобы за наше ремесло –
имён нам данных высекали буквы
в граните грубом... Впрочем, пережив
все сроки – за которыми не видно
уже ни пашни щедрой, ни межи,
мы просто верим заданному ритму.
Смотри, как жизнь бесхитростна, как лёд
способен быть предметом декораций,
как лица тех, кто в клочья нас порвёт,
светлы во власти солнечных вибраций,
как тесен мир тех улочек, где нам
так хочется пропасть вдали от сборищ...
Оставшиеся дни – не чёрный нал,
а гонорар – обещанный всего лишь,

но нам, надеюсь, вновь отпустят в долг
лихой судьбы пернатые мгновенья.
Не съест свинья, не выдаст серый волк,
ленивой кровью не отравят вены –
пока в аортах беглого огня
жива волна. Мы въедем в этот город
на белом – за отсутствием коня –
грузовике, не превышая скорость...

ТОРТУГА

Ни обаятельных пиратов, ни пивной –
молчит Тортуга в тонком шёлке бриза –
лишь местный сумасшедший (некто Ной)
воссоздаёт по найденным эскизам
подобие фрегата. Запиши, –
он говорит – всё явнее стремленье
воды быть выше пиков и вершин –
и в том, как смерть, работает без лени.
Весёлый Роджер устилает стол
в дремотной кухне, где под звон посуды
чай обретает силу меньших зол
над большими – и сквозь него, как сутры,
звучат рассказы о былых страстях,
ошибках юности, обрывках киноленты,
запечатлевших танцы на костях
и прочие забавные моменты.

Тортуга – стала медленней, тучней.
Рассветный всполох льётся по витринам,
по медным лбам усатых трубачей
перед подъездом графа Аспирина.
И только деревянная нога
пускает взгляд по следу многоточий –

туда, где пары нет у сапога,
и левой шаг – труднее и короче.
Ступай на пирс – там неизменен вид
морской волны, как время ни старалось,
висок стены там волосом увит,
что кажется вблизи канатом старым,
там чайки на наречии небес
поют о душах вверенных пучине,
а рядом – бденья молодых повес,
как прежде, ищут смысла и причины...

Всё кажется: вот разорвёт туман
британским флагом вездесущий ветер –
и заиграет тонкая струна
при виде белых парусов на рейде,
но книжным детством пахнет акварель,
что сохнет на разложенном картоне,
и лысина эпохи – будто мель
под килем – возбуждаема ладонью
от париков уставшего посла.
В День Нептуна – зажжёт хмельной бравадой
до поздней ночи остров хвост осла,
а утром – у ворот земного ада
поверх тельняшки вновь натянет тень...
Так часто хочется быть одному – в сторонке –
чтоб мнения общественный кистень
не освистал тоски по треуголке...

ПАВЕЛ ЗЛАТОВ
Бровары, Украина

В конце мая, когда всё практически распахнулось
и не алчет большего апогея, ведь дальше — застой, а плод
ещё не успел налиться, но чрево ствола раздулось
и возврат по прямой не мыслим, берущей начало от
точки А, где прежде зияла воронкой мысль
одержимая воплощеньем спустя несколько букв за нею,
которой уже не скажешь, губу закусивши, «брысь!»
равнозначно с «не пой!» сквозь зубы процеженного Орфею.

Чайки ныряют в воду клювами вниз; залива
изменения не заметны, тем не менее, им видны;
так на мостике капитану проще видится перспектива
завершенья похода, но не войны...

Безусловно, вода линчует нарочитое отчужденье
того, кто считает мила, а не склянки, хотя, скорей,
в числах погрязнуть легче, приветствуя умноженье
больше, чем вычитанье всего, а тем паче, дней.

ЭЛЕГИЯ

Я не сожгу, пожалуй, ничего
из писем, что писала ты украдкой
от посторонних глаз и «своего»
тогда еще «законного», но как-то
нам долго удавалось избегать
того, что называется «прощаньем»,
у моря жить, ходить за три девять
на корабле с загадным названием:
то ли «Mirage», а то ли «Paradis»,
брать интервью у жителей Тибета
и напевать гортанно «O Paris!»,
не зная слов и языка при этом.
Теперь я наблюдаю за окном
картину в стиле Кубрика, чей гений
давно почил. Империю, Содом,
что наблюдаешь ты по истечении
падений, взлетов, начиная с
того момента как сошли на берег
на разных континентах и Весы
распались на анклавь? В самом деле
прошло уже не мало, согласишь,
и память начинает делать пакость:
куда ценней становится «надысь»,
чем «нонче», потерявшее двоякость
в моих глазах. Так всякий изотоп
расценен может быть, как предающий,
и тот Вселенский схлынувший Потоп
волнует много больше, чем грядущий.

Я превращусь когда-нибудь в одно
событие между чем-то в виде даты,
не важно между чем иль кем, равно
как будет безразлично им, когда ты
поймешь все это где-то за N дней
до превращения, как сейчас, дружище,
я осознал реальный ход вещей,
учуяв пред собою пепелище.
Ты ободрись! Тут нет большой беды
и ты достоин данного просвета,
и свой остаток лучше проведи
подальше от сыреющей земли,
тем паче, от петли и табурета.

В толпе, поверь, ты будешь ощущать,
чем ближе, тем сильнее первородство,
и знание того, что время вспять
способно плыть; по крайней мере, свойство
его в себе топить твой жалкий «Я»
уже не будет так первостепенно,
поскольку ощущение бытия,
как не крути, а, всё-таки, мгновенно.

РОМАН КАЗИМИРСКИЙ

Бар, Черногория

МАЛЫШ

Ты тоже полюбишь искусственный лес,
карманных собак и антенны на крышах —
карьерные выступы офисных лестниц
ты тоже полюбишь, малыш.

Ты тоже захочешь читать между строк
и жить между дел и душить тех, кто дышит.
Идти со звенящими золотом в ногу
ты тоже захочешь, малыш.

Ты тоже захочешь увидеть себя
на стене
в орденах
с волевым подбородком —
и чтобы служивые мира сего
тебе поклонялись погонями с водкой
и думали вслух благородную зависть
и дружно клялись воспитать поколение
точно с такими же вот подбородками —
и чтобы на стену,
и чтоб с орденами.

Ты тоже получишь однажды под дых
и станешь с тех пор генеральствовать тише.
И тише. И тише. И тише. Так тихо,
что станешь неслышным, малыш.

РЕФЛЕКСЫ

Этот ротный рефлекс – вера в правду ревущей толпы.
Накладными глазами ощущивать воздух – вполне.
Чтобы выплыть и выжить, старайся не жить и не плыть –
даже если сидишь на весле.
Каждой спичке родной коробок – королевский дворец.
Это нужно кому-то – сжигать тех, кто любит тебя.
Что за странная блажь – растаскать на поленницы лес,
чтоб назавтра о нём горевать.
И в руках не синица – прозрачная тень журавля.
И ты видишь того, кто мечтает украсть эту тень.
Эта высшая радость – уметь убивать и прощать
за убийство себя и в себе.

ТВОЙ

Морскими милями грусть.
Кто ты сегодня?
Сегодня ты что?
Я боюсь о тебя.
Я тебя боюсь.
Ты – моя соль. Я – твоё нечто.
Твоё вскрытие.
Последняя капля в ладонь.
Твоя гончая, несущая в пасти труп.
Твоё зрение мимо меня и сквозь.
Твой согнувшийся в низком поклоне гвоздь.

АНДРЕЙ КАТРИЧ
Сумы, Украина

ОДИНОЧЕСТВО

Памяти Габриэля Гарсия Маркеса

Щебет стрелок в замкнутом пространстве.
Время здесь – невольник-соловей.
Жизнь – игра, и в душном постоянстве
Что подвижней – кажется живей...

День прошёл, и вечер необъятен.
В клетки плета кутаясь, душа
Расправляет медь сердечных вмятин,
В пыльных фотокарточках шурша.

Век остывший коченеет в кружке,
Чайный лист давно осел на дно...
Пряди снов на скомканной подушке,
Не раскрашены и брошены давно...

В лужах дотлевают кляксы лета,
За окном – немая смена спин.
Мир молчит... По логике сюжета,
Всякий умирающий – один.

Остаётся, прорывая годы,
Слать сухие строки в никуда,
В небо – дымом, в синие высоты
Тем, кто не ответит никогда.

Греть приёмник, слушать краснобая,
Изморозь прикладывать к вискам,
Жёлтым пластилином затыкая
Глотки шелудивым сквознякам...

Одесса.

Вокзал.

Угловатые тени.

И синий трамвай колет улицу напополам.

Булыжные соты,

и клёны,

и клином ступени

Врываются в небо и шепчут о времени нам.

Бульвары.

Афиши,

афиши,

афиши...

Нескладные мысли... И воздух от влаги провис.

И день оседает,

взбираются тени на крыши,

Сидят на карнизах и птицами падают вниз...

Витрины,

кафе,

запах кофе

и тёплые руки...

Прошиты задворки насквозь озорным сквозняком.

И здравствует Пушкин,

коты сладко трутся о медные брюки.

Улыбки, задумчивость, легкие фразы... О ком?

Фонарь-одуванчик

и столик

с фиалкой в стакане.

Иголками чайки вонзаются в наш разговор.

И воздух редет,

и тают –
стираются грани.
Вечерние сумерки медленно льются во двор...

Опять поезда –
и шагает состав через шпалы...
А нам ведь казалось – мы кожей вросли в города,
Но ластиком жадным
Нас тихо стирают вокзалы,
И нас больше нету – и не было здесь никогда...

Где Авель, брат твой? – дрогнул воздух,
Вонзился в землю глас Отца...
Повисли тучи в острых звёздах,
Отхлынул день, как цвет с лица.

Ночь в подворотнях зашуршала,
Шатаясь, тени месят грязь –
Безликий танец. Нить накала
Плетёт причудливую вязь...

Фонарь сочится в дымке синей –
Лампада с сотней фитильков.
И под ногами, словно иней,
Хруст мёртвых мотыльков...

ВЛАДИМИР КАЦ
Одесса, Украина

Я растяну сентябрь
на триста тридцать строк,
чтоб тридцать дней спустя
всё длилось бабье лето.
Я буду жить шутя,
свободно, вольно, впрок,
как малое дитя,
как следует поэту.
Пусть юности моей
трамвайные пути
разобраны, и пусть
бульжник весь украден, —
в хмельной колодец дней
лети, бадьа, лети,
зачёркивая грусть
исписанных тетрадей.

Ю. Михайлику

Живущие в провинции у моря
талантливые, гордые поэты,
чьи строки лёгкие волнам солёным вторят,
чьи женщины как ласковое лето, —
не осенит своим крылом вас слава,
вы далеки от суеты столицы.
Но разве это столь уж важно, право,
когда есть в мире море, солнце, птицы.

Я обручён навечно с русской речью,
с тяжёлой шириной равнинных рек,
с излучиной... Я обречён картечью
картавых слов оборонять свой век.
И никуда, и никуда не деться
сверчку малороссийской тишины, –
листом, засушенным в страницах книги детства,
не выпасть из гербария страны.

РОМАН КОЖУХАРОВ
Тирасполь, Приднестровье

ПРАЗДНИК В СЕЛЕ

Чутешты, как чуткое «тише»,
Баюкают душу мою.
Кровинкой вино дяди Миши
Дрожит на стаканном краю.

Набухшие будущей брынзой,
Овечки текут во дворы,
И блеют пасхальные агнцы
В руках деловой детворы.

Шумят шерстяные заторы
В горбатых развилках села.
Хмельная стезя разговоров
Нас в Божью отару свела.

И льётся блаженная влага
В иссохшее духом нутро,
И утро воскресшего блага
Звонит и звонит засветло.

«ТРОИЦА ЖИВОНАЧАЛЬНАЯ» АНДРЕЯ РУБЛЁВА

Дом, дерево, гора

пришли в движенье...

Решенье принято, и путь назад закрыт,
И тишина вбивает ось мировращения,
И мука полнится, и зрак кровавый зрит,
И стрелки посохов отсчитывают сроки,
И чаша смертная – как тысяча очей,
А молотки стучат, то близки, то далёки,

И «ИНЦИ-ИНЦИ» над Голгофой всё звончей...

А сердце Отчее взывает:

«Сыне!.. Сыне!..»,

И свет печали Утешителя – высок,

И трепет папороток кротких – синий-синий,

Но град грядёт и книга жизни – у чертог.

И крест созиждется из перекладин трона,

И на престол, как ножка чаши, вознесён,

И нет спасения от блага и закона,

И, значит, каждый, кто возлюбит,

тот спасён.

ПРЕДВЕЧНАЯ БЕСЕДА

– Порода для горы,

А дуб – для перекладин.

– А чаша для чего?

– Овечьей головы...

– Добыть волхвов дары

По роду ли уладил?

И отчего чело?..

– О вечном говори...

Невинным соком грозд

Лозы наполнил злато

Медлительный рукав,

Несотканный хитон,

И, ризы запятнав

Кровавою заплатой,

Собрал цветочный мёд

За сотами икон.

БОРИС КОСЕНКОВ
Калининград, Россия

МОЯ ОДЕССА

У памятника Графу М.С. Воронцову

«Полумилорд, полукупец»
стоит себе на пьедестале,
освободившись, наконец,
от циркуляров и баталий.

От вицмундиров и казны,
от льстивых слов и козней света,
от вздорных прихотей жены
и дерзких шалостей поэта.

Свой тур достойно отыграв,
давно бездвижный и безгласный,
бестрепетно взирает граф
на город шумный и прекрасный.

Где властно судьбами играл
он в устремлении высоком
и ввысь порою воспарял
в мечтах и планах, точно сокол.

Где, краем правя столько лет,
в грехах корысти не погряз он...
Белесый голубиный «след»
слезой застыл под левым глазом.

Увы, не стоит и гадать,
как век сведёт с тобою счёты.
Ты реешь в небе? Исполать!
Да на Руси рукой подать
от соколиного полёта
до голубинового помёта.

ЗИМА В ОДЕССЕ

Море лижет мели и молы,
молчаливо жуёт камни...

Зачерпнув,
я поставил море
на окне
в гранёном стакане.
Пусть оно гнилыми ночами
в нашу гиблую непогоду
пахнет песней, песком, печалью,
пахнет солью, солнцем и йодом...

Ночи слякоть глотали залпом,
дна, как счёты, щёлкали мимо...
Становился тревожный запах
все грустней,
все неуловимей.
вот уж только дурёха-память
уверяет меня упорно,
что водица в пыльном стакане –
это море,
и пахнет морем.
Что она корабли держала,
опьяняла акульки жабры...
Где ж ты, море?..
Осталась к весне
только серая муть на дне...

А по городу – окна моют,
а по городу – с крыш каплет.
И огромное Чёрное море
молчаливо жуёт камни.

УЛИЦА КАНАТНАЯ

В меланхолии приятной,
под хмельком,
в полубреду
вдоль по улице Канатной,
спотыкаясь, я иду.

Облаков густая стружка
над Одессою плывёт.
Сердобольная старушка
кормит кошек хоровод.

А в порту, за косогором,
так и дразнят огоньки:
«Хватит сирым быть и хворым!
Ну-ка, будням вопреки,

вскинься радостным порывом,
над обрывом воспарив!..»
Но решётка над обрывом
охлаждает мой порыв...

Чёрт возьми!
Аль я не русский?
Ну-ка, Господи прости,
дай рвану решётку хрустко,
как рубаху на груди!

И – дороги нет обратной,
как в любви или в бою...
У решётки на Канатной
я стою... стою...
Стою?..

ЮЛИЯ КОТЛЕР

Керчь, Крым

ПРЕВРАЩЕНИЯ ГОРОДА

Янтарной сущности с царящим в сердце солнцем
Под роль бульжника подстроиться непросто.
Кафкажучок вползал захватчиком-тевтонцем
В шипящий ад многоквартального нароста.
Он видел камни, набухающие небом,
Гротеск модерна и гримасы лун неона.
Слезилась вбитая в вечерность древним гербом
В размытой мгле зодиакальная икона.
В ночь город стряхивал капризный флёр парижский,
Косматым оборотнем рыскал в гуще мрака.
С утра паясничал, смеялся, плёл интрижки
И жал ошпаренные клешни лета-рака.
Под дулом знойного июльского бесплодия
Спасал куски архитектурного таланта:
Четыре неба обрамлял бетонной плотью
Пустивших корни вниз и ввысь домов-атлантов.
С приходом осени прощался с волосами.
Линяя, сбрасывал октябрьский шумный отцвет.
Читал в тиши с полузакрытыми глазами
Сны о предчувствуемом ветреном сиротстве.
В корявой нежности натурщиц многоруких
Он забывался и терял пространный смысл.
И с каждым режущим клевком грачей-хирургов
Освобождался от значений, форм и чисел.
Дожди ангинные плелись по пыльным плитам,
Над пеплом золота сплетая паутину.
В тумане намертво со стоном моря слитом
Закат кровавый замышлял свою путину.
И город жил... Как заточённый психопат
Он выбирал себе тела, чины и крылья.

Дни-акробаты, злясь на паперти-арене,
Абракадаброй веских сальто воздух рыли.
Кафкажучком вползала я в бульжный короб,
Янтарной памяти начала не теряя.
Я превращалась в город, ощущала город,
Владыке грёз его же тайны доверяя.

*Если б у Бога не было нас,
Он бы, пожалуй, и не был Бог.
Марина Матвеева*

Одиночество – Божий ген
В нас, вне нас и всегда над нами,
В ядовитой слепой пурге
Проступающий письменами
Крови, памяти, мыслей, шор.
Со спокойствием фармацевта
Отпускает Он боль и шок
Без сомнения и рецепта
Всем и каждому по чуть-чуть,
А кому-то – совсем с лихвою.
Даже если не по плечу
Ноша – с поднятой головою
Заставляет идти вперёд,
Делать вид, что живёшь и веришь,
Наплевав на душевный гнёт,
Незаслуженные потери...
Это просто извечный быт,
Проходящий сквозь нас и мимо.
Бог последним словцом добил
Хитромудрый кроссвордик мира –
Из шести драгоценных букв
По вселенским горизонталям.

Есть Любовь. Остальное – бунт,
Послесловия и детали –
Незначительные, как жизнь,
За которой по расписанью
Только смерть. Априори лжи
Воскрешение не спасает.
Анестетик наш – суета,
Отвлекающая от боли.
А Ему одиноко так,
Что хоть волком... Да что там – полем
Обожжённым стонать и выть
От бессилия и гордыни.
Понимает и Бог, увы:
Всё тщета и осадок дымный.
Есть забвенье и вечность. Но...
Ужас в том, что в тюрьме вселенной
Есть единственное окно,
Приоткрытое в размышленья
Человеческие. От них
Даже Богу бывает страшно.
Люди просто его дневник
Недописанный и вчерашний –
До того, что хоть вены рви.
Только Богу суицидальность
Недоступна. Опять, увы:
Каждый в свой же капкан. Банально...

И прозрение есть итог:
Каждой клеточкой в нас стеная,
Одиночество – это Бог
В нас, вне нас и всегда над нами.

ЦЕНА СЧАСТЬЯ

*И тот, кто не пишет стихи,
Умирает в неведении счастья.
Михаил Финкель*

Дано ли счастье думающим сверх
Меры? Только что такое мера?
За нами ежечасно ходит смерть,
Для нас светило ежечасно меркнет.
Мы сшиты по иному чертежу.
Мы видим больше – потому бессмертны.
Домашним сердцем старый абажур
Выстукивает нам свои рассветы.
И, кажется, взорвётся голова,
Набитая цветами до отказа.
Тому, кого Господь поцеловал
Жизнь будет мниться бесконечной казнью.
И виснут крылья чашами весов,
Вжимаясь в человеческие плечи.
У избранности замысел высок,
Но вот за блага расплатиться нечем.
Счета приходят только за талант,
Из рук привычно вырывая счастье.
За многоликость избранных расплат
Способен сам Всевидящий ручаться.

Дано нам слишком много для того,
Чтоб даровать ещё и заурядность
Обыденных богатств, удач и льгот,
Которым так неизбранные рады.
И руки наши слишком уж хрупки
Чтоб удержать увесистые рюши
И скорбы смердов смертных до тоски.
Ведь наша участь – стены правил рушить.

Богатство наше – неба балдахин,
Луны и солнца дремлющие пумы.
За счастье грезить и писать стихи
Мы платим невозможностью не думать.

ОЛЬГА КОЧНОВА

Тверь, Россия

Через просеку тени от сизых стволов,
ветви в сахарно-ломкой глазури.
Не ступить по-хозяйски на белый покров,
где следы лишь от зверя да бури.

В этом тихом лесу, на морозном свету
понимая свою инородность,
можно жить лишь в убогом забытом скиту,
словно благо, приняв безысходность.

И последний свой хлеб на пороге жилья
преломить с лютым зверем из чащи.
Но в реке затянулась уже полынья,
дни всё дольше, а небо всё дальше.

Только хруст, только изредка беличий свист,
только мысли, что всё это – даром.
Только воздух сегодня так чист и искрист,
что молитва срывается паром.

Здесь осенью такая тишина,
что можно ясно по ночам услышать,
как бледно-серебристая луна
слегка звенит над обветшалой крышей.

Шурша в саду среди опавших звёзд,
крадётся к молоку вчерашний ёжик.
Как много время провело борозд,
оставив дому след на тёмной коже.

Незряче шаря в облаках рукой,
скрипит натужно дерево-калека.
Из страха перед будущей зимой
зверьё подходит к дому человека.

...Такая тишина, что давит грудь –
как будто никого на свете близких.
Приходит ёж, лакает Млечный Путь
из старой, чуть потрескавшейся миски.

Ты не услышишь, не скажу: взгляни
хоть напоследок ласковее прочих.
Увидишь сам: горят в траве огни –
вот светляки! – причуда белой ночи.

Услышишь сам: далёкая гроза
подкралась к дому, требует расплаты.
Мой голос вплёлся в птичьи голоса,
звенит прохладой в дебрях дикой мяты.

Над колыбелью тихой и святой
к чужому сыну, прямо к изголовью,
сны призывает. Ну, а ты, чужой,
неволю так же путаешь с любовью?

И так же не простил? На судный день
я принесу – что в памяти хранила:
вот эту запылённую сирень,

тетрадный лист – поющие чернила,
гул сосен бронзовых, приветливую тень
и то, что мне казалось – я забыла.

ТАНЯ КУЗНЕЦОВА

Москва, Россия

Мы с тобой на облаке сидим.
Таня, – шепчешь ты привычно, – Таня...
Мир большой и кажется другим
с чердака больного мироздания.

Нам, случайным детям ноября,
видится с обломанного края,
как лежит небритая земля,
злой ветхозаветностью пугая.

Тишиной горчит продрогший лес,
замерший в почётном карауле.
Мы прошли с тобою шесть небес,
мы совсем чуть-чуть не дотянули.

Вильнув хвостом, ушёл июль,
взамен оставив серый зонтик.
Москва попала в зону бурь,
сказал синоптик.
Не зря? конечно же, не зря.
Болит? немножко. Под ключицей.
Я подожду до ноября –
авось, случится.
Надену белое пальто,
исправлю скуку на измену...
Цыплят по осени? а то!
Всенепременно.

Мы глядим со снимка,
мы молчим из снов.
У тебя – разминка,
у меня – плей-офф.
От стишка до встречи –
пара писем в стол.
Время точно лечит,
знать бы только – что.
Я выпускаю лица
в сигаретный дым.
От тоски до блица –
пять шагов мечты.
Всё, что было с нами,
распела молва.
Я кусаю память,
но она жива.
Полудетский почерк
и смешная речь.
Кровь свободы хочет,
продолжает течь,
из-под бледной кожи,
из судьбы земной...
Что ж ты смотришь, Боже,
милосердный мой?

ЛЕОНИД КУЛАКОВСКИЙ
Ильичёвск, Украина

ТИШИНА

Тишина сжигает чувства.
Явь на грани тьмы и света.
В переходах длинных пусто.
Время власти пустоцвета.
Словно клочья мокрой ваты
облешили плотно стены.
Тишина. Замысловаты
мысли, формы, светотени.
Рвусь из недр своих наружу.
Набухают перепонки –
переполнен, перегружен
тишиною гулкой, звонкой.
В струны вытянуты нервы –
срочно: вырваться из плена!
Скрипом, свистом, стоном первым
в пустоту моей вселенной.
Вывернуться наизнанку,
вновь проклюнуться из лона
духом яблочным, морзянкой,
удивлённым взглядом клона.
И узнать, что в мире тесном,
как и прежде, суматоха,
и услышать, словно песню,
тост забытый: «Вздвогнем, Лёха!..»

СОРОКОВЫЕ И СВЯТЫЕ

Опять сорвало память с якорей,
ворвался вихрем в душу ветер шквальный,
подначивает вновь святой Андрей:
«Хотел?.. Держи!.. Как есть – девятибалльный!..».
Скришит-хрустит утроба корабля,
хрустят-скрипят хрящи, мозги и нервы.
Андрей смеётся: «Право короля –
на встречу с Посейдоном булькнуть первым».
Безумный шабаш-пир сороковых.
Луна серпом вот-вот и срежет рубку.
Андрей фальцетом самым роковым:
«А может к мамке под бочок-под юбку?»
Душа в осадке (выпала в карман),
а буревестник сдох (который реял).
«Молился ли ты на ночь, мареман?» –
ехидный слышу голосок Андрея.
И пусть всего лишь в памяти штормит,
я, словно факел смоляной, пылаю.
От шуточек андреевых тошнит,
и я молюсь святому Николаю...

КОГДА-ТО В АВГУСТЕ

Помнишь, ночь на краю Ойкумены?..
Ты да я, да космический ветер,
да сосульки на звёздной карете,
словно тающие манекены
позабытых дружков и подружек.
Полусладкое сладко шипело
в глубине хризолитовых кружек.
Чем-то ночь наливалась и спела.
Где-то там на задворках Вселенной
всё забылось: биномы, эпюры,
в кошельке редкий порошок купюры,
и галёрка в киношке на Сенной.
Только ты, только я, только трепет
и застенчивость тёплых ладоней,
да дурашливый, сбивчивый лепет
привождённого взглядом мадонны.
Я узнал, что могу быть и мотом –
звёзды все раздарил. До единой...
Эх... Ты помнишь? Ты помнишь, Альбина,
ночь принцессы в стенах Камелота?
И пустяк, что площадка в два шага,
кабеля и антенны... Да ладно!
Целый август над нашей общагой
пропасть неба была звёздопадной...

ОЛЬГА ЛЕБЕДИНСКАЯ
(Рэна Одуванчик)
Днепропетровск, Украина

Правды, правды ищи...
«Правды, правды ищи», – так написано в царственной Торе.
Рьяно ищут её, неустанно гремят правдолюбцы.
За абстрактную правду вчерашних, грядущих историй
Огнеглазые жизни конкретной кровушкой льются!

Глянь: звезда Рождества обняла ханукальные свечи!
Наше небо едино, а дух вездесущ и свободен.
«Правды, правды ищи!». От её осознания не легче
Ни одним, ни другим, третьим-лишним и бедной природе.

Мой развод – катастрофа. На фоне всеобщего чада
Он поменьше царапины. Люди синеют и злятся.
Расскажи мне земля, где сокрыта священная правда?
Только даст ли она долгожданное юркое счастье?

Солнце-Ра, расскажи, свет пролей, где собака зарыта?
Ты летаешь над всеми и к правде значительно ближе!
Патриоты – они же бандиты – святые они же,
Непослушные, гады, подонки, герои – они же...

Месяц, тонкий мудрец с голубой сединою востока!
Дирижёр, вдохновитель любого растущего моря!...
Столько правдочек мелких! А Истина только у Бога,
И настолько громадна, что не помещается в Торе...

Дона nobиспацем!
Как будто и не украинка –
Мечтаю быть простой и кроткой.
Пылинка, майская пушинка,
По мненью многих, идиотка.

Кипит расстроенное эго.
Дрожу, как буря у стакане.
Погода тихо лечит снегом.
Отчизна – дыркою в кармане.

Включила телек: драки, «Беркут».
Включила кран – трубу прорвало.
Вода бушует. Крыши едут...
Хочу домой, под одеяло.

Но всё бурлит, клокочет, рвётся.
Где ноты с «Дона nobиспацем»*?
С рассвета моцартово солнце
В окошко пробует смеяться.

Орёт сосед по коммуналке.
Отборный мат соседки снизу.
Опять себя по-детски жалко.
и всех вокруг. А телевизор

Онлайнит новости с Майдана.
Шумит потоп в моей квартире.
Встаю с бессонного дивана,
Включаю наспех Одувана,
Молюсь о мире...

* *Donanobispacet* (лат.) – «Даруй нам мир!» – вокальное произведение Моцарта, одно из любимых у Одувана.

КАЧЕЛИ

В голове пустота Торричелли,
как у Будды и как у Природы.
Во дворе моём детском качели
извергают тоскливые ноты.

Снегом розовым сохнет бельишко.
Рук ручки потекут – и растает.
Никакая заумная книжка
ощущения детства не знает.

Это чувство громадно, подкожно
и красиво звучит: ностальгия.
Во дворе моём бедном – как можно! –
короли и принцессы другие.

Только ночью, за гранью заката,
в час слиянья степи со Вселенной,
я – царица волшебного града
и качелей, травы сокровенной,

уходящей корнями глубоко
в беспризорные дикие дали...
Дом исходит поэзией окон,
с двухметровым бурьяном скандалит.

Сохнут фартуки непринуждённо,
так легко, что не ведаешь, кто ты.
И с качелей снимает бессонный
ветер две заумные ноты

вместе с листьями, что переспели,
преуспели в обилии красок.
А в тебе так и ходят качели
тишиною уехавших сказок...

МАЙКА ЛУНЁВСКАЯ

Берёзовка, Тамбовская обл., Россия

ПАСТУХ

Воздух исполосован лентой хлыста.
Стадо минует кладбище.
Свежая кровь заката
стекает по спинам. Устал
Старый пастух. Пастью беззубой ищет

В воздухе музыку и, натываясь на
Дерево дудки, жадно его грызёт.
Это последняя в наших краях весна,
Дальше пастух стадо не поведёт.

Дальше зима: будет точить углы,
Будет сбивать гробы из ребристых льдов.
И на земле горбатой, поверх могил,
Ляжет вдовой бесслёзной болиголов.

Всё будет бело. От кости и до креста.
Вот уже слышен смерти стекольный лязг.
Спины коровьи, верно в последний раз,
Лижет язык изодранного хлыста.

*«...все острова похожи друг на друга,
когда так долго странствуешь...»*

П. Бродский. «Одиссей Телемаку»

Я не вернусь. Большие города —
большое одиночество, когда
так долго странствуешь (словами Одиссея).
Пейзаж по осени везде и равно сер.
И чаще слышится не то СССР,
не то Расся.

Вращается Вселенная. Когда
так долго странствуешь, похожи города,
неразлично
пространство на крутящейся оси.
И «Я» стирается в названии «Росси»
не без причины.

Когда так странствуешь, то запад и восток
сливаются в Евразию, восторг
не вызывая.
И рельсы, спутываясь, не ведут за край,
Свобода падает в утробу рюкзака,
фальшивым золотом нагорного Сибя.

ИРИСЫ

Обещаю тебе, что мы никогда не вырастем.
Небо станет солёным и влажным, как заросли ирисов
в палисаднике мамы.
И, стоя в своём углу,
будем плакать, жевать губу и сносить хулу.
Научившись терпеть обиды не стать обидчиком.
Мы последние дети. Нас не оставят в будущем.
Не Виталий Егорыч, а Витя, Виталечка, Витечка,
побежавший за хлебом с талоном, с авоськой, до булочной.
Умирают другие. Не мы. Мы – стремглав. Мы – неистово.
– Кто последний: дурак!
– Не честно, я самый маленький!
Мы на старте, ещё на старте, по правой выставив...
Оглушительно пахнут простые цветы в палисаднике.

АННА МАРКИНА

Москва, Россия

Я жила в каморке. Тополя шелестели сладко.
А в каморке не было пола и некуда было сесть.
И в виду отсутствия мест для любой посадки
всем гостям приходилось в воздухе повисеть.

Приходил отец, летал и рыдал обильно,
жарил рыбу и сверху слезами, слезами капал...
Извинялся, – мол, не очень тебя любил, но...
но зато, как ловко пожарил карпа!

Приходила мать. Кто поймёт её, кто поймёт?
Проходяща мать, как дождь за твоим окном.
Говорит, улетаю к солнцу я собирать там мёд,
говорит, что солнце красиво опылено.

Забегал дружбан, перепачкан, смешон, сутул,
загребал в воздушных волнах руками пьяными,
щёлкал семечки, убеждал прикупить хоть стул,
мол, итак полжизни в пролетающем состоянии.

Я пошла в Икею, выбрала табурет,
отдала всего четыреста пятьдесят рублей,
прихожу, смотрю, а друга уже и нет,
прихожу, смотрю – ни мамы, ни папы нет,
только пух набежал с уличных тополей.

Плывёт луна, как золотой дублон,
обещанный за весть о Моби Дике,
сползают лавки в парке под уклон,
палатки пахнут морем и гвоздикой.
Не удивляйся, – запахи весны.
Стирает чел в пруду свою рубаху.
Палатки пахнуть морем не должны,
но вот сегодня кажется, что пахнут,
и кажется, что будет жить печаль
в тебе, как мякоть в помидорке черри,
тебя весенний воздух укачал,
монтируют во дворике качели.
Пойдѐшь к друзьям, а там про Крым все врут.
Сползает ночь по местной телебашне,
и тянутся морщины через пруд,
в котором человек стирал рубашку.

СЛОН

Приходит человек в больницу,
суѐтся в нужное окно,
но всё без толку, всё без толку –
теперь там принимают только
слонов.
И человек уже боится,
он ждѐт устало у окна,
он ждѐт, когда отправят на,
он прямо чувствует в себе
слона.
Приходит человек в больницу,
ему необходим талон,
он просит, просит, просит, просит
его принять. Он, дескать, просто

нечётковыраженный слон.
В регистратуре говорят:
пришли вы зря, пришли вы зря,
ведь вы же слон,
ведь вы больны.
Сидели б̄ дома до весны,
как все приличные слоны.
И человек трубит в окно:
не понимаю я одно –
куда тогда деваться нам,
добропорядочным слонам!?
В регистратуре говорят:
такой закон, такой уклон,
мы Вам простили б̄, что Вы слон,
Но, откровенно говоря,
Вы с середины октября
по нашим записям, увы,
мертвы.
Рекомендуем уходить,
касторку пить, махать хвостом,
рекомендуем приходиться
потом.
Так что, приятель, будь здоров!
Нам не до умерших слонов.
И человек идёт домой,
полурыбой, полуживой,
идёт, идет он дотемна,
несёт в себе домой, домой
большого мёртвого слона.

АНАТОЛИЙ МАРУЩАК

Херсон, Украина

НАПРОТИВ ОСЕНИ

Деревья распатал октябрь
Дождём над вишнями.
О чём-то спрашивал фонарь
Мужчину пришлого.

А человек седой, как лунь,
Пришёл по траверсу.
Он пережил немало лун,
Пока состарился.

Года принёс с собою все,
И високосные,
А я напротив, юный, сел,
Как против осени.

Царапал ежевичный прут
Тоску дорожную,
И мучили ленивый путь
Ночные пролежни.

И загасила фонари
Рассветом улица,
А день в костре часа на три
Листвой обуглился.

И кто-то вторгся в мой предел
Опять с вопросами.
И, юный, он напротив сел,
Как против осени.

СТАРИК И МОРЕ

Вечер пролив сузил,
Гонит дурную весть.
Нервы связал в узел
Предательский норд-вест.

Может, возьмёт измором,
Старые раны – в счёт.
Стонут старик и море
И кто-то третий ещё.

До якорей просолен,
Из южных придя широт,
Выводит дымное соло
Списанный пароход.

Раны бортов железных
Зализывает мазут,
Беспалые волнорезы
Ладонями воду рвут.

Возле причалов пыльных
Новые ждут суда,
Но выше ватерлинии
Встретились боль и вода.

Крыльями хочет чайка
Соединить берега:
Скрипучее кресло-качалку
И море без старика.

ПРОВИНЦИЯ

Всё ближе и ближе обиженный пригород,
На нижней улице выжила пижма.
Дом до воспоминаний выгорел
И ржавеет фотографией рыжей.

В междуречье речи только крики кречета:
Печенью почувствовал двустолку.
Дом кирпичный в пиджаке клетчатом
Просит кетчуа и махорки.

У старухи коленчатый вал не лечится,
Легче согнуть пополам воблу.
Дорога – ленивая процентщица,
Не сходя с места, примеряет обувь.

К августу листья летать не обучатся,
Новое название состарило улицу.
Аллея, а ля подкаблучница,
Кустурицу слушать учится.

Ранец пиджак хватает за лацканы,
Обмазанные фаст-фудом.
Сердце три дня просидело в карцере,
Как теперь ему выйти к людям?

ЮЛИЯ МЕЛЬНИК
Одесса, Украина

Как падают в море, так больше падать и некуда.
Не стоит меня в этот миг вылавливать неводом,
Когда я все рыбы, все крабы, когда я – соль...
Не стоит меня вытаскивать на песок.

Что скажет, глотая воздух острыми жабрами,
Тебе за попытку спасти от моря душа моя?
Спасибо тебе, спасибо... И всё же, спаси...
Руками до моря бережно донеси.

Средь призм многоликих что делать простому лучу?
Устав от неоновых вспышек, ты веки смежаешь,
И, словно «спасибо» тому, кто придумал свечу,
Звучит в тебе вечер, которому ты не мешаешь...

Душа, словно рыбка, в самой сердцевине теней,
Не ждёт, чтоб чужая наживка спасла от напасти
Остаться в бездонности этой, на этой ничьей
Земле, для которой ещё не придуманы снасти.

Обернут в страницу Маямского календаря
Подсолнечник жёлтый. Как все в этом мире смешалось...
Но бабочку, что застывает в глотке янтаря,
Вдруг выпустит вечер, которому ты не мешаешь.

Между сложенных крыльев бабочки – тишина.
Никуда не летит. Оседают синей пылью.
Она может сорваться. А может остаться в нас.
Как ей просто – быть... Как ей просто – глядеть в лицо нам.

Однодневка, бесплотное марево чешуи,
На огонь медно-жёлтый – полет сквозь дни и машины.
Это чья-то надежда и боль. Это сны твои.
Не ломай её крыльев. Движеньем губ удержи их

На пороге случайностей. Там где вразброс, взмахлёт,
Облака – сквозь дождливые ветки – как книга жалоб.
Ну, спаси же её... Не от ветра... Не от колёс...
От себя самого. От себя самого, пожалуй.

ЮЛИЯ МОРОЗОВА
Санкт-Петербург, Россия

ДИАЛОГ

Я веду для тебя репортаж
с мест событий и внутренних драм.
«Посмотри, вот промокший пейзаж.
Расползается город по швам.

Льются ветки сквозь сито оград.
О тебе – этот дождь, новый день,
старый треснувший дом, листопад,
журналистская чушь, дребедень,

этот рослый студент и старик,
рыжий мальчик, бросающий мяч,
каждый детский взъерошенный крик,
каждый взрослый приглаженный плач».

Ты – любитель газет, адресат.
Для тебя – эти новости дня
и плевать, что ты глух, слеповат
и давно не читаешь меня.

РОЖДЕСТВО

Метель металась, словно в схватках – мать,
мой город снова вышел из утробы.
Явились, по-младенчески чисты,
заснеженные площади, мосты.

Учусь, как в детстве, падать и вставать,
проваливаясь в прошлое, в сугробы.
Пусть первый снег не тает на губах,
пусть вечно будут мама, папа, радость.
На улицу иду, как в детский сад,
где все грехи покроет снегопад,
где так наивен главный взрослый страх,
и смерти нет, а только свет и святость.

Это как плавный покой Левитана,
как тишина безмятежной дубравы
с небом на ощупь шуршащим, шершавым.
Это – секретик и детская тайна,

Это ещё – краснощёкий шиповник,
дворик московский и мальчик с лошадкой,
сон, как варенье, густой, кисло-сладкий,
а вдалеке – мягкий профиль часовни.

Это, как чудо, грачи прилетели,
далее – сирень и компот из черешни.
Это – твердить и твердить: «Неужели
мы, словно дети, светлы и безгрешны?».

НАТАЛЬЯ ПЕЙСОНЕН

Рим, Италия

VACANZE ROMANE

Dolce vita, иначе – излюбленно-сладкая жизнь.

Сквозь ладони мои и сочится, и вдруг утекает

вдоль Трастевере – праздник,

и сквозь чья-то скрипка визжит,

чья-то скрипка... вдогонку взлетающей маленькой стае.

До утра прибывает толпа. Кто-то празднует жизнь

в этих стенах тщеславного старого вечного Рима.

Средь невидимых муз мы уже никуда не спешим,

как когда-то спешили. Мне сладко и невыносимо

пребывать здесь одной среди праздничной пёстрой толпы...

среди шепота, шума и шороха шёлковой ткани,

а над Тибром покорно по-прежнему дремлют мосты

и покорно хранят чьи-то вечные страшные тайны.

Как заманчивы дебри запутанных улиц, и как

манят тонкие запахи странно разбросанных «чайных»,

знают те, что возможно однажды держали в руках

это хрупкое счастье, потом превратившись в случайных

друг для друга, покинув таким навсегда-навсегда

этот праздничный город, что стал невзначай очевидцем.

Мне хотелось опять ненадолго вернуться сюда,

чтоб увидеть такие же чьи-то блаженные лица.

ПРО НЕЁ

И как оказалось потом, её звали Карина.

Тонкая девочка с южным разрезом глаз.

Она улыбалась загадочно и невинно,

говорила ему о Прусте, о том, что Ларс

её удивляет каждой своей картиной,
что её неизменно вечно влечёт в Париж.
И как ей нравятся лавки и книг старинных
переплёты. И нравятся виды с крыш.

И всё это было так и легко и мило.
Они опять заказывали шабли.
Он не любил её. Она его не любила
ещё. И речь совсем не шла о большой любви.
И было поздно. И так она пахла югом,
и юность сочилась из всех её пор и жил.
И он обещал ей быть самым верным другом,
и ей себя по-дружески одолжил...

А воздух уже вовсю был пронизан мартом.
И в богом забытом месте лишаясь сна,
дочитывая «Страсти души» Декарта,
его ждала хорошенькая жена.

И было не больно. Это была не я.
Только тень моя.
Только тень моя.
Только тень моя.

BARCELONA

Как тебе в пестрой праздничной Барселоне
окнами на Sagrada Família, на чудаковатого Гауди?
Ты так хотела этого – вот получи – распишись. В погоне
за счастьем ты нагнала его. Впереди
ещё много всякого будет. Ах да, здравствуй!
Перевернутый слабый текст мой (к тебе) – вверх дном.

Я по-прежнему здесь в Москве. Я хожу по Красной
площади с нелепым таким зонтом.
Я по-прежнему страшно влюблён. Не в тебя, нет. В память.
Тонкокостная девочка на фоне Москвы-реки.
Мне давно бы пора всё это уже оставить.
Как тебе чужие материки?
Я, наверное, знаю, зачем нам всучили счастье:
чтобы ты писала, чтоб я выживал, как мог.
Я знакомился с Леной, знакомился с шустрой Настей,
– безрезультатно. Доктор мне не помог.
Как тебе там, где спорят на каталанском?
Где туристы на солнечной Ла Рамбла
жертвуют монеты дурацким маскам?
Где бы ты, бесстыжая, не была,
я ношу тебя здесь, в себе и по всем карманам
рассовал, как в детстве ценнейший дар –
монпансье и все, что вручала мама.
Хочешь, я пришлю тебе самовар?
Совершенно не нужный тебе, как и я, по сути,
мой маленький тщеславный конквистадор.
Как оказалось ты ядовитей ртути
и страшнее морфия, *mi amor*.

ЛЕОНИД ПОТОРАК
Кишинёв, Молдова

10 ЯНВАРЯ 2014 ГОДА

Фонарь не горит. В темноте начинается год,
Чья краткость рассчитана верно от древних колен до
Ещё не рождённых. Моргнёшь – и сочельник, и вот –
Вторая календа

Уже различима на следующем рубеже,
Где брезжит какая-то чуждая сердцу свобода,
С потерей гранича, и судьбы полны миражей
Вблизи поворота.

Рождественский дизель пропах кипятком и смолой.
Рокочущим стадом от тёмного хлева отчалив
Вагоны выходят, январь унося за собой;
Вагоны в печали.

Печаль их, конечно, светла, как и должно в пути.
Им снится, что чуда не будет, и нечто большое
Уже, вероятно, осталось за цифрой «один»
И запахом хвои.

Тогда, словно снова над крышами всходит трубач,
Январский глашатай, и миру обещаны знаки,
Выходят из полночи ангелы мелких удач,
Стоят в полумраке.

НИКОМУ НИ О ЧЁМ

Видно, Земля несвободна в своих правах,
Каждую ночь повторяет одно лишь это:
Меркнет полмира. С разницей в час или в два
Спят города, страны и части света.

В чьём-нибудь полушарии спят огни.
Спят лоскуты на карте, равняясь в цвете.
Я расскажу тебе об одном из них,
Кажется, больше не о чем, кроме этих

Улиц, полей и стен, площадей и сцен.
И обо всех углах их кирпичных судеб,
Уже отпечатанных на моём лице,
Я расскажу, как о великом чуде.

Я не любил, но готов полюбить поля.
Если кому и слышать о них — не мне ведь.
Слушай о том, как прекрасна моя земля,
Ты далеко достаточно, чтобы верить.

Если подумать, в каждом из городов
Мало разнятся стены и повороты.
Я их и сам сейчас полюбить готов,
Слушай о том, как смешно быть отсюда родом.

Как на одном из скольких-нибудь этажей,
В доме, где угораздило же родиться,
В доме, который никак не достроит Джек,
Я всё живу и дружу с домовою синицей.

Как ни крути, сколько ни бей волна,
Сколь ни гони нас — вместе ль, поодиночке? —

Я человек, идущий из пункта А,
И не сменить вовек мне исходной точки.

Адрес рожденья – чей-нибудь, мой ли, твой,
Той ли, того, или обоих вместе –
Это навек навязанное родство
С контуром рек и чертежом созвездий.

...Что-то в палате небесных весов и мер,
Как в королевстве Датском, не ладит с миром.
Спит моя родина с маленькой буквы «р»,
Спрятавшись от голосов и шумов эфира.

В ссоре со всеми, включая саму себя,
В мире и в море, и где-нибудь в небе тоже,
В каждом осколке бедного бытия...
Вы с ней похожи. Просто вы с ней похожи.

И прочертив углом городской уют,
Дремлет в пыли и воробьином споре
Улица, так похожая на твою.
Что не твоя – уже небольшое горе.

Спят провода, и телефонный пульс
Замер на полдороге до адресата.
Я не звоню, не думаю и не снюсь,
Я сочиняю сказку о том, что рядом,

Том, что все пристальней смотрит в моё окно,
Это мой край, отчасти – моя забота.
Впрочем, ты спишь, и становится всё равно,
Что там снаружи, и есть ли ещё там что-то.

Спи. Чья-то родина – только одна из тем,
Чтобы продлить беседу. Но с каждым разом

Я все прочней в её попадаю плен.
Да будет твой сон с ней никак и ничем не связан.

Раннее лето, крадучись, на порог
Всходит и прячет мир на изгибах платья.
Эта земля не стоит твоих тревог.
Спит и она. Что же мне пожелать ей?

Можно понять, только глобус приблизь к глазам:
Это лишь часть того корабля, который
Нас потерял, да, впрочем, не выплыл сам.
Так и плывём во все стороны света и моря.

Я не один такой говорю ни с кем,
Все мы бежим с корабля и гребём без толку,
Каждый из нас привязан к своей доске,
Каждый из нас гражданин своего осколка.

Что ещё ждать, если вся королевская рать
Нас не смогла собрать по частям и людям.
Так и не знаю, что же ей пожелать.
Может быть, стоит просто сказать «да будет...»?

МУЗЫКАЛЬНОЕ

Ах какие струны звучат низами
Как легко скрипач отдает поклон
Если кто когда и придёт за нами
Хорошо бы он

Чтоб ни гром ни каменное пожатье
А Сен-Санс и скрипки вода вода
Громче звук да веки плотнее сжать бы
И опять туда

Где ни разделений ни расстояний
Знай дыши и слушай лети лети
Мы подобны рыбам морским мы сами
Призраки сети

А иначе дождь середина мая
Огляди свой дом опусти глаза
Ни сети ни моря я тварь земная
Дольняя лоза

Всё окно да книга экран да кофе
Рейсы да билеты и взор не прячь
Протирай очки да печатай строфы
Расскажи скрипач

Что в краю иной и высокой прозы
Где с лихвой твоей и моей вины
Мы судимы рондо каприччиозо
И ничем иным

НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВ
Москва, Россия

Стану ли бременем веку спешащему?
Нужен ли в будущем? Дорог ли прошлому?
Спаян со временем, льну к настоящему,
Предполагая дожить по-хорошему.

Жизнь – кинолента! Просмотр продолжается.
Не истребить человеческим гением
То, что не нравится или мешает,
То, что отмечено местом и временем.

Помнятся дни, голоса и события,
Добрые знаки, мечты и видения.
Помню открытия, помню закрытия,
Запахи лет и оттенки мгновения.

Весь я из тысяч мельчайших подробностей,
Всё по годам. И не спорь, не рассказывай.
Разве что смутно – из внутриутробности,
А в остальном – хоть бери и показывай.

Странность моя, ты – моё достояние,
Вечности столп, подпираемый теменем.
В спаянном жить нелегко состоянии,
Если, особенно, спаян со временем.

Научи меня плакать, прошу – научи!
Это свойство души мы уже позабыли.
И пускай не прилюдно – тихонько, в ночи,
Лишь бы слёзы, как надо, солёными были.
Научи меня плакать за чей-то успех,
За обиду, за шанс, над последней монетой,
За себя самого точно так, как за всех,
Над жестокою ложью и правдой раздетой.
Не подумайте зря, я умею шутить,
И смеяться, и петь, только хочется всё же
То, что давит внутри, не спеша, растопить
И по капле раздать – так намного дороже.
И, бывает, душа, разбухая, болит,
И томится, и бьётся, и стонет натужно.
Научи меня плакать – в себя и навзрыд
И не мучай «зачем?»— просто мне это нужно.

Сегодняшним утром над городом тучи,
Теплей одевайся, мой славный прохожий.
Возьми, наконец-то, охапку тягучих
Житейских забот, донеси до прихожей

И с кипой недугов, уже неизбежных,
Сложи воедино, свивая упруго,
Тугой чередой, сплетённой небрежно
Из пасмурных дней, погонявших друг друга.

И смело иди по весенней капели
Туда, где старьёвщик, беззубый и милый,
Продаст тебе книжку про девочку Элли,
Что дружит с безумным, но добрым Страшилой.
А вечером я незаметною тенью
Беспумно склонюсь к твоему изголовью,
Любуясь, как ты, увлечённая чтением,
Наш дом наполняешь теплом и любовью.

ЕЛИЗАВЕТА РАДВАНСКАЯ
Киев, Украина

Этот город без тебя – пуст.
Этот город постарел – пусть!
Увядает за окном куст.
Прорастает у дверей грусть.

Этот город без тебя – зол.
Видно, к ссоре – сыплет снег-соль
(Будто мало нам и так ссор!).
Этот город без тебя – боль.

Этот город без тебя – жизнь,
По которой я иду вниз –
К угощениям чужих тризн,
К шумным спорам за чужой приз.

Этот город без тебя – весь –
Непроглядный и густой лес,
Ни тропинки не найти здесь –
Даже вор сюда бы не лез.

Пока в городе тебя нет –
Прорастает у дверей смерть.
Этот город без тебя – свет,
Не пробившийся сквозь туч твердь.

Когда я стану умирать,
Сядь рядом. Помолчи немного.
Глади не грустно и не строго,
Боясь хоть раз меня обнять.

Напомни мне, что ты сказал
Тогда, на набережной тихой,
Где пахли губы облепихой
И спал стареющий причал...

Напомни мне ту дрожь руки,
Когда, повенчаны пред Богом,
Из церкви вышли на дорогу
У той же киевской реки...

Напомни всё. И грусть, и смех,
И комнату с окном на небо,
И запах праздничного хлеба,
И Рождеством умытый снег...

Не плачь, немного подожди.
Твои глаза остались те же,
Но ты теперь смеёшься реже...
Скажи мне, что там впереди?..

Что ждёт меня? Какая даль?
Какой я грех не отмолила?
Напомни мне, как я любила
Корицы запах и миндаль...

Как я боялась высоты
И как нежнее стать хотела...
И как рвались душа и тело
Всю жизнь мою – туда, где ты.

Когда я стану умирать,
Будь рядом – ведь на этом свете
Мы лишь испуганные дети,
Которых некому обнять.

МИР-ПОДРОСТОК

Я пропустила, как рос этот мир-подросток,
Осиротел, но мудрее, увы, не стал.
Пульс у него – от волнения – девяносто,
А он ещё не умеет считать до ста.

Не доглядела: связался с дурной компашкой,
Поздно приходит теперь, и начал курить.
Недавно со злости разбил любимую чашку
И бросил мне грубо: «Не вздумай меня пилить».

Я – не пилю... Спросила: «Как жить ты хочешь?»
Ответил: «Побольше денег – и отдохнуть».
Насмешливо зыркнул, жутко, – будто по-волчьи,
И снова ушёл – продолжить свой странный путь.

Я – виновата: его удержать должна бы,
Выбить из мира-подростка чужую дурь!..
Но... мне противно. Знаю, что дуры бабы.
Знаю, что больше некому. Подведу,

Хуже – предам. И когда придёт за советом –
С пачкой бабла в кармане, но без мозгов,
Выжатый, одинокий, –
Я до рассвета
Буду не спать, и плакать, что он – таков.

Буду себя корить. Он мне был так дорог!
Сверстник мой, – мир, не сумевший взрослее стать!
Пульс у него – от изнеможения – сорок.
А он – ещё не умеет считать до ста...

ЕЛЕНА РОСОВСКАЯ
Одесса, Украина

КАЗНЬ ЛОЛИТЫ

Москва слезам не верит

Продавщица в ларьке на углу Прототындарь Лолита –
Баба, хваткая, жирная с наглыми злыми глазами,
Рано утром покинула пост и ушла. Дверь открыта.
Просто сгнула враз, и теперь поминайте, как звали.
В эту ночь то ли Ангел явился во сне ей, не знаю,
То ли дьявол её искушал, только виделось многое:
И маманя, и старенький дом, и игрушечный заяц,
И Москва, вся пропитая крепко бинтами-дорогами,
И пустые глазища витрин и калеки-вокзалы,
Купола, гастарбайтеры, плесень, свинцовая осень.
Всё казалось Лолите – крестилась, но больше казалось,
И хотелось сквозь землю – самой, и с моста себя сбросить...
Утро сонно тянуло на город своё одеяло,
У ларька три бомжа, а вдали, на Москве на реке,
Посиневшее жирное тело у берега сжалось
И застыло с иконкой Пречистой в холодной руке.

ЁЖ. ТУМАН. И, МОЖЕТ БЫТЬ... ТЫ

На высокой горе, где растёт план,
Где в пещерах отшельники лён трут,
Как-то раз появился туман – пьян,
Повисел, протрезвел, заглянул внутрь.
Темнота, мерзлота, килограмм драм.
От окна до окна – суета, тля.
Не прижиться, не вжаться, куда там,
А назад – через ад, а вперёд – зря...
Ни к живым, ни к чужим, сам себе – бес.
Сам себе поводырь и псалтырь сам.
Он пополз через мост прямым в лес,
Чтобы жить-поживать – выживать там.
А в лесу трын-трава, деревья, дождь,
И зверьё, и клыки, и грибов град.
А в лесу есть пенёк, за пеньком ёж,
Ёж лежит и поёт, сам себе бард.
Не приبلуда, не лгун, не шакал, так,
Местный дурень лесной, на игле гриб.
И в глазах – паруса и в башке – флаг,
А поближе смотреть, так не флаг – нимб.
– Здравствуй ёж, говорят, ты умом плох.
– И тебе не хворать, проходи, глюк,
Что там в мире? – Бастуют и бьют блох.
– Значит, всё на местах, если блох бьют.
Говорили-рядили: чего ждать,
Что есть миф, что есть мир, что есть мы в нём.
А под утро лесная братва – хватъ,
Ни ежа, ни тумана, лишь пень пнём.
Вот сейчас ты один от тоски пьёшь,
И бежать – «не моги», и стоять – жуть.
Присмотрись, где-то рядом сидит ёж,
И туман говорит: нам пора, в путь!

СВЕТЛО

...ты просила меня рассказать о светлом...

всё когда-нибудь будет, не спрашивай, только когда.
я не знаю ответа, я знаю, что будет и ладно.
а пока мы лежим на ладонях и дышим на ладан,
согревая дыханьем своим города, города,
у которых от холода сводит замки и ограды.
понимаешь, и время, и люди – вода.

ты смотрела так часто, как солнце летит под откос,
как на крышах весёлые дворники трогают небо.
я бы тоже по крыше под утро с тобою побегал.
или вышел туманом на каменный северный мост,
и лепил бы кораблики из почерневшего снега,
а потом превращался бы в воду и рос.

ты бы мне улыбалась... под воду уйдут корабли,
мы не станем чужими, мы будем дышать, как и прежде.
пусть на ладан, пусть с нами останутся там же и те же,
согревать ледяные ладони замерзшей земли:
и вода, и весёлые дворники в синих одеждах,
и все те, кто за ними под утро на крышу ушли...

ТАМИЛА СИНЕЕВА

Киев, Украина

КИЕВУ МОЕМУ

Меня в метро окликнет кто-то
и обознается опять...
Я выйду к Золотым Воротам –
мне надо срочно постоять
и заглядеться на каштаны,
на волны зелени густой,
где кружевом благоуханным
цветы в гармонии с листвой...
Неспешно, шаг не ускоряя,
пройти на Ярославов Вал,
где все века с повесой маем
хотят завлечь меня на бал,
и чтобы медленно кружились
дома и я, и белый свет,
и с неба дождевая милость
в подол насыпала монет...
Мой добрый доктор, древний Киев,
от разных дум лечи мой дух!
Ну что поделаешь, лихие
настали дни, старинный друг.
Врачуем мы с тобою раны:
ты мне, а я тебе. Постой,
не умирай, своим дыханьем
я возвращу тебя домой.
Ты протяни мне мостовую,
и быстро я по ней приду,
и обниму, и поцелую,
и всё пойму в твоём бреду...

Ты говори, я буду слушать,
к Днепру ладони приложив,
слезами очищая душу,
как ты стараешься ожить...

АСФАЛЬТОВОЕ

Асфальт так устал
от дождей и прохожих —
растоптанный, мокрый,
не дышит почти.
Ещё он простужен,
лежит и не может
ни выпить лекарство,
ни встать и уйти

в неблизкое завтра,
в рассвет и дорогу,
к траве на обочине,
к сонной реке...
Ни ветры, ни люди
ему не помогут —
лежит себе, мрачный,
в зелёной тоске.

В небрежных заплатах
одежда асфальта,
и лужицы глаз,
не мигая, глядят
на небо ночное
с прожилкой агата,
где звёзды, кометы
и, кажется,
я...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

День закончился привычно
тёплым вечером обычным,
ты не спишь, глядишь в окошко
на огни
улиц города большого,
беззащитного такого,
что вместить бы на ладошку
и хранить...

Синий воздух мглой струится,
спит усталость на ресницах,
спят дела твои, проблемы
тоже спят.

Спят дороги, сводки, рейсы,
электрички спят на рельсах,
спят часы, спрятав время
в циферблат.

Дремлет влажная прохлада
на ветвях деревьев сада
в том краю, где нет ни боли,
ни обид.
Есть стихи, где между строчек
я шепчу «спокойной ночи!..»,
исчезая в мир, который
сладко спит...

СВЕТЛАНА СОЛДАТОВА
Москва, Россия

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ

полумрак, бесснежные холода,
вроде как живёшь, а на деле — спишь.
замерзают гарпии в городах —
вон, гляди, взлетают с соседних крыш

и орут, и носятся в вышине,
мечут перья в белую пустоту.
им грозит палкой старик финей
и бурчит под нос — разлетались тут.

оттремел салют. завершился год —
будет новый, золото, шкуры, мёд.
на югах зимует стальной арго.
загуляв, орфей в кабаке поёт.

не видать в тумане сирен и сцилл,
у харибды праздничный выходной.
стынет лета. в трубах журчит коцит —
уходи на дно, уходи со мной.

в семивратных фивах — режим, завод,
семерым никак не начать войны.
гидра спит под гладью зеркальных вод.
спи и ты, дружок, до хмельной весны.

АДАМ И ЕВА

то ли снова проснулся вулкан, то ли в храме пожар,
то ли древняя нэсси лениво плывёт из глубин,
но, ключами звеня, говорю я – привет, госпожа,
и она отвечает с улыбкой – привет, господин.

сколько сотен веков я смотрю долгий сон наяву?
как теперь я тебя назову?

над притихшей землей, не смолкая, кричат поезда,
будто имя твоё повторяют на сотни ладов.
госпожа моя ева?
я здесь, господин мой адам,
до последнего вдоха – но где бы нам взять этот вздох?

на краю континента блесит напозающий лёд.
и никто от любви не умрёт.

хэй, смурная звезда,
не сносить мне пустой головы.
на прибрежные скалы восходит седая волна.
господин мой адам? ева, ева, я в мире живых,
подними свой бокал за любовь до последнего дна,

выпей горечь уставшего города, слёзы земли –
и печали мои утоли.

ДИКИЕ ГУСИ

Обесславь, убей, но гори, гори
злым осколком солнца в моей горсти.
Каждый галл желает разрушить Рим,
каждый гусь желает его спасти.

Под камнями – прах, меж камней – трава,
нет ни галльских палиц, ни птичьих крыл.
Дребезжит будильник.
Звенит трамвай,
что сейчас покатится сквозь миры,

мимо гуннов, галлов и диких стай,
мимо скифий, греций, гиперборей...
Дорогая Акка, не улетай –
нет слабее Города на заре.
...На обломках храма пьёт пиво галл
и рисует граффити на стене.
Я тебе смолчал и себе солгал –
никакого Рима на свете нет.

АННА СТРЕМИНСКАЯ
Одесса, Украина

Бабушка по кличке Война:
взрывы, пламя с дымом седым...
Боже, это моя страна?!
Нет, не сладок нам отечества дым!

Щедрик, щедрик, щедрівочка,
Прилетіла ластівочка...

Все ещё крыло Рождества
над землею нашей парит.
И звезда его торжества
с миром о любви говорит!

Нова радість стала,
Яка не бувала!
Над вертепом звізда ясна
На весь світ засіяла!

Гольий парень на морозе стоит,
чтоб не скучно было там воевать.
Пусть помёрзнет – а потом инвалид –
будет знать как протестовать!

Добрый вечер тобі,
Пане господарю!
Радуйся, ой радуйся, земле.
Син Божий народився!

Льётся кровь с обеих сторон,
И от ненависти стынут слова!

Гибнут дети – но трещит чей-то трон!
Плачет светлая звезда Рождества...

Не плач, Рахіле,
Глянь – діти цілі!
Не умирають, а оживають,
А оживають...

Что мне вспомнить о детстве? Быть может, вот это – жара,
дача, лес... Я у деда под Киевом – флоксов касанья,
откровения флоксов, их полусмешные признанья
и весёлая дачная, как мошкара, детвора.

Или это: мне пять, и сосед скалит зубы, шутя.
Он стреляет в котов с идиотски-весёлой улыбкой.
Извивается кот на земле и кричит, как дитя.
Я бегу по двору, и земля ощущается липкой.

Мне пятнадцать, и новенький в классе, и я влюблена:
он кудрявый поэт, и зовут Эдуард, и красавец.
На меня – ноль вниманья, и этой любви белена
отравляет мне душу... Любовь исчезает, как глянец.

Было многое после, и годы куда-то летят...
Отчего же всё чаще я вижу соседа улыбку
и картинку: тот кот, издыхая, кричит, как дитя?!
Я бегу по двору, и земля ощущается липкой.

*Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом,
а одно только нужно. Мария же избрала благую часть,
которая не отнимется от нее.*

Ев. от Луки, гл. 10, 41-42

Меня называли Марией,
а я оказалась Марфой!
Подрезаны мои крылья
и спрятана моя арфа.

Ведь после базара не нужно
ни музыки, ни полета,
ни слова Учителя. Ужин
важнее всего да работа.

Обильное угощение
радушно встречает гостя.
Надеемся на прощенье,
да жиром заплыли кости.

Но всё же сквозь чад кухонный
доносятся звуки арфы.
Сквозь быта чугунные тонны...
О, Марфа, трудяга Марфа!

И всё ж доносится Слово
сквозь грохот горшков и тарелок,
сквозь крики ослов – так ново,
и так непривычно смело!

И всё сжигает пожар твой,
о, Слово, ведь ты – стихия!
Меня называли Марфой,
а я оказалась Марией!

ВАЛЕРИЙ СУХАРЕВ

Одесса, Украина

это была не трагедия но репетиция драмы
трагедия впереди и никакие папы и мамы
не говоря силовые мышцы небесные никого
не остановят ни меньшинство ни большинство
твердь как и прежде тупа и тверда и стада
всё ищут поесть и воды а небесная та страда
хихикает и в облаках прячет бицепсы словно
у них там спа-салон и все сошли с ума поголовно
и никто не свалился ни на меньшинство и ни
на большинство все отдуваются сидя в рваной тени
сомнительного камуфляжа из всякой дряни вроде
веток жухлой лозы с пауками и того что в этой природе
ещё заваялось и съёжилось даром а драма сидит
и крутит кукиш трагедии мол ну что у тебя впереди
дальше ведь некуда да есть куда хаос и углый тлен
из которого уже некуда деться и не подняться с колен

МАРТ

Припомни март прошлогодний, когда я
сказал, что птицам страшно в тумане, гадая
по их перелётам, казалось, почти вслепую –
как будто бы эпилептик выпустил пулю,

и её траектория изменилась не от
рикошетов, а от густоты высот
небесных... И ты сказала: «Наверное», –
но неуверенно, вскользь и нервно.

О чём ты тогда мечтала, поднесь не знаю.
У женщин фантазии – что вода завозная:
с вирусами, чья анонимность пугает врачей...
Год промелькнул, как мажор в минорном ключе.

Теперь в природе та же разъятость; дни
торчат из календаря, как на поляне пни;
и пни ты ногою их или не пни –
всё одно мешает разбегу; это они

делают нервной походку, когда туман,
не говоря о том, что гуляющий пьян.
Слава Богу, никто и не обещал
постоянно ясной погоды, ходьбы без плаща,

среди отвратительной мартовской пустоты,
когда на голых уродов похожи кусты,
с их искривлённой копей на боках
машин (воспаление сосудов на белках);

и небеса, когда б не случайная птица,
могли бы с полным «ничто» запросто слиться.
Изучив тебя достаточно, знаю, что ты,
прочтя эти строки, скажешь: «Просты

помыслы верующих, а эта
метафизика – рукоделие поэта,
а Бог и в кустах, и под камнем, – повсюду».
Я не обижусь, но мыть посуду не буду.

Чего ты не смогла мне простить, я и сам себе уже
не сумею, разве – Господь обоим... Сплетая руки,
тела и души, в жизни и смерти, словно на той меже,
где уже выбора нет, и где никто и никого на поруки
не возьмёт, – вот именно там мы не расстанемся; будет
какой-то прощальный свет над нашими головами; пастух
проведёт своё стадо мирное, и вдалеке какие-то люди
с летними от загара лицами что-то скажут о нас; мой слух
обострился так, что я слышу кузнечика и цикаду в их
сумасшедшей дали, а ты могла бы и уст не открывать, –
просто рядом дышать и смотреть на меня, но и это в стих
не поместится, это больше, чем вдох или выдох; и покрова
небес, с ангелами и бесами, настанет час, покроют и нас,
и под пеленами этими, закутавшись в свои «да» и «нет»,
мы, как сиамские близнецы будем радостью мучиться, час
от часу всё неразрывнее и век от века; и этот свет,
названный мною прощальным –

лишь декорация, задник, софит
в постановочной этой жизни, но за нею не тьма кулис
и бутафория ближних, и не какой-то дурацкий рапид
тоннелей и лиц – что-то иное и большее... Вот, ты оглянись.

и что увидала? ни нового неба здесь и ни чужой земли вдали;
мы тоже с тобой хороши,

перебираясь по кочкам судьбы почти
вслепую, но наших рук очертания

и тени пусть никого не спасли,
а может и – да, и об этом не надобно знать нам в этом пути.

ЮРИЙ ТАТАРЕНКО
Новосибирск, Россия

РУССКАЯ ЗИМА

Вдали от творческих открытий
Разлили по стаканам праздность,
И жизнь в отсутствие событий
Уже не кажется напрасной.

Вершины съёжились в вершинки
И с этим свыклись мал-помалу,
А буквы – чёрные снежинки –
Летят на белую бумагу.

Февраль погас. В глазах стемнело.
И плакать хочется безумно.
В окне у Казимира небо
Необоснованно безлунно.

Затянем пояса и песни.
Слова толкуются впрямую.
«Мороз и солнце, день чудесный...»
Ну, ничего, перерифмуем.

ОТЧАЯНИЕ

Мы венчались. Мы – венчались!
Мы промчались по любви...
Паутинка, истончаясь,
Шепчет пальцам: «Разорви!»
Я в лесу не потерялся,
Я в лесу теряю стыд.
К статным соснам в рыжих рясах
Жмутся грешники-кусты.

Я был грубым, я был глупым,
Нес порой такую дичь...
До крови кусаю губы:
Не зови, не плачь, не хнычь!

Где ты, с кем ты – я не знаю:
Мы давно с тобою врозь.
Больно. Тишина лесная
Прокушена насквозь.

АЛТАЙ. ПОСЁЛОК ЧЕМАЛ

Но как же хочется порой
Чужую даль окинуть взором!
Сильней всего нас тянет в гору
Желанье знать – что за горой...

А вот и надпись: «На Кресты»,
Осталась в стороне сторожка,
И друг за дружкой хребты
Стоят разобранной матрешкой.

И кот билайновский, заметь,
Мышей не ловит в телефоне,
И домик наш – не разглядеть,
И суета – как на ладони...

Не панорама – стук в висок
Заставит рот раскрыть пошире...
Ну, что, последний мат-бросок –
И вот уже ты на вершине,

И оголяются тылы,
И ощущаешь с новой силой
Готовность прыгнуть со скалы
В полёта свежую могилу.

ЛОЛА УВА
Донецк, Украина

ОБЫЧНО СТИХИ ПОСВЯЩАЮТ ЛУЧШИМ

Скользкий по шее несмелый лучик рисует причудливый интеграл...

Обычно стихи посвящают лучшим. А сколько их было?.. Да кто считал. Попробуй узнать, по какому кругу она повторяет такой сюжет. Сегодня с тобою играет футу. А завтра? А завтра, возможно, нет. Но ты, зачарован её словами, бредёшь наугад, не снимая шор. Она поглощает тебя глотками – неспешно, задумчиво... «Хорошо», – кивнёт, и водой утечёт сквозь пальцы, и дразнит: «Поймай». Непоседа, ртуть и солнечный зайчик... Танцует сальсу, воспользуясь случаем, чтоб блеснуть звездой, промелькнувшей на небосклоне. Успеешь – желание загадай... Придумал? Молиться ей, как иконе?.. И в счастье, и в горе... Да вот беда – её ежедневник заполнен плотно, и если не вписан – влезать не смей. Неделя, вторая, и ты – в цейтноте считаешь эпохи её измен, всерьёз ненавидишь духи от Гуччи и огненный отблеск её волос. И в плеере кто-то поёт хрипуче о том, что хотелось, но не срослось.

Завёрнуты мысли слоёным тестом, а сутки – размечены по часам. Измучившись, пасмурным днём воскресным заходишь опять на знакомый сайт и, путаясь в дебрях её историй... вот эта ведь – точно! – она про вас. Не сдержишься и увлечёшься спором, набрав в комментарии пару фраз о существованье, лишённом смысла, о жажде попробовать жизнь на вкус. Отметим, что «горько» давно прокисло, и, вдруг осознавши её «боюсь», сорвёшься и бросишься в омут «может?..», захваченный вихрем её игры. И нынешним вечером кожа к коже добавит бумаги в её костры.

В итоге – назавтра твой мир разрушен, её ураганом
страстей снесён.

Стихи всегда посвящают лучшим.

Но не единственным.

Вот и всё.

В ЭПОХУ ВЗРОСЛОСТИ

В эпоху взрослости нет места сопливым сказкам,
Возникли трудности – лучше держи удар.

Здесь фею-крёстную успешно заменит КАСКО
(Вот только с тыквой не стоит ходить туда).

Забудь о правилах, акценты слегка сместили.

Ребрендинг Золушки: «Не ожидай чудес!».

Работай, милая! Бесплатно – в привычном стиле.

Тяни до пенсии, после ходи в собес.

Ругай правительство, инфляцию, пьянки мужа.

Вздыхай тоскливо, мол, что-то пошло не так.

Зри мыльнооперный рекламновостийный ужас,
(Засохший пряник – порою больней кнута).

Эпоха гласности нарочно сгущает краски,
«Слоны» рождаются чаще из ничего...

Но в куче вымыслов нет места счастливой сказке,

И во взрослении это грустней всего.

СТИХИ ВСЕГДА ПОСВЯЩАЮТ ТЕМ

Есть время блюзу и время техно, инструменталке и тишине.

Стихи всегда посвящают тем, кто...

был вписан в рубрику: «Только не...»

Недлинный список пронумерован,

в нём каждый грешен и каждый свят.

И если помнишь почти дословно,
ну как их прошлому-то отдать?..
И сохраняешь, не ставя точку
(едва ль надёжней швейцарский банк
листа бумаги и пары строчек), и сушишь розы – для икебан.
Да, окунаться в любовь, как в омут скорее жажда, а не нужда.
Но, что поделать, писать и помнить
не равнозначно сухому «ждать».
Ну, кто решится и бросит камень?..
Да полно, много ли недотрог.
В твоих объятиях каждый – Каин,
и каждый – Авель, и каждый – бог...

Перезагрузка любой системы, дожди в предчувствии ноября.
Стихи обычно приходят с теми, кого не может быть потеряно.
Кто проникает в тебя как воздух –
попробуй выдохни, ну, слаб?..
Когда меняться, пожалуй, – поздно,
и невозможно, само собой.
Но ты справляешься – на два счёта,
вдруг позабыв, что пора уметь.
Когда любовь посылает к чёрту
и... тут же сразу идёшь за ней.
Как за мессией, с нелепой верой,
что вот отныне и навсегда.
Когда внезапно подводят нервы,
когда прессуются в миг года,
И ты сама раздуваешь пламя, сжигая в пепел привычный быт.
А после – снова рифмуешь память, как будто можно таких
забыть.

АСЯ ШЕВЦОВА
Харьков, Украина

Двадцать три – а всё же кроха крохой...
Всё летишь, как от стены горох...
Ты живёшь в раю для скоморохов,
потому что тоже скоморох.

Ты как в детстве ходишь по бордюрам,
по замёрзшим клумбам по нагим...
В письмах близким подпись: «Вапа дура»
непослушным почерком ноги.

Двадцать три – и ты паяц паяцем,
ходишь только против часовой...
Если некого и нечего бояться –
это, кажется, страшней всего.

Двадцать три – и ты бесспорный лидер
по всему, что ноет и болит.
Ты живёшь в раю для инвалидов,
потому что тоже инвалид.

Здесь больно бьют и пьют
«фервекс» от февраля.
По яркому тряпью
признают короля.
Здесь каждый будет плох,
кто верит вещим снам.
А скоро ли тепло?
А скоро ли весна?

Здесь каждый ни при чём
к святым или ворам.
От споров горячо
бабулям и дворам.
Здесь кто закроет рот,
свалив вину на грипп,
а кто – наоборот,
от лозунгов охрип:
«Искать вчерашний день!»,
«Искать, чем жечь мосты!»...
Ты шапочку надень,
а то совсем простыл.

Я не попала в ковчег, который построил Ной.
Всем тварям дают по паре – а я не тварь.
Этих уродливых крылышек за спиной
не лечат ни яды, ни травяной отвар...
На поиски мира отправила голубей,
последние крохи хлеба – этим же голубьям...
Хочется сдохнуть так, хоть возьми убей,
когда существуешь не думая, не любя...

Я здесь – на самых птичьих своих правах,
воздух, слова ворую, как наглый тать.
Если лечу направо – я неправа.
Если налево – тоже. Куда летать?
Пухом и перьями выстелю путь длиной
в мирную глупую жизнь, а дальше – да хоть потоп.
Я провожу ковчег, который построил Ной,
и дальше смешными шажками топ-топ, топ-топ...

ТАТЬЯНА ШЕЙНА
Радошковичи, Беларусь

ЗМЕЯ

«Вот у нас, – говорит, – много лет, как с тобой семья.
Чем я так провинился, единственная моя,
Что опять натыкаюсь на взгляд твой, колюче-хмурый?» –
«У тебя, – отвечает, – на шее висит змея:
День за днём в нашей пище её чешуя и яд!» –
«Это галстук, – кричит он, – не будь, ради Бога, душой!

Я ж с тобой, – говорит, – мурлычу, что тот Баюн,
Я ж тебе много лет ноги мою и воду пью,
Что мне сделать, скажи, как ещё твою жизнь улучшить?» –
«Всё легко, – отвечает, – прикончи свою змею –
Или я сама, если хочешь, её убью!» –
«Это пояс, – кричит он, – обычный ремень от Гуччи!

Не ревнуй, – говорит, – начинаешь сходить с ума:
Напридумала чуши – и веришь в неё сама!
Я забыл ту змею, разлюбил и забросил в Лету!» –
«Извини, – отвечает, – банальный самообман:
Ты её до сих пор таскаешь – проверь карман» –
«Это лента, – кричит он, – простая цветная лента!

Всё, устал, – говорит, – насытился от и до!
Можешь дальше сидеть тут и хохлиться, как угод!
Лучше лягу, пока не случилось какой напасти!»...
Она молча берёт из тумбочки антидот –
И, дождавшись, пока он уснёт, под подушку кладёт,
Отодвинув шипящий клубок от его запястья.

ОЛАКРЕЗ

Оберегом сплетала слова: «Не ходи туда,
Где в пруду в самый ясный полдень черна вода.
У пруда тебя не спасут ни клинок, ни крест:
Из воды, не мигая, уставится Олакрез.

На скрещении трёх времён, где предел всему,
Олакрез поглощает свет, отражая тьму,
Выпивает всех, кто в пруд заглянуть посмел —
Потому у него сотня сотен телесных смен.

А глаза у него — словно створки ворот миров —
Кто сумеет открыть, не останется жив-здоров:
Истечёт душа в сотню сотен астральных ран,
Потеряет свой дом и навеки уйдёт за Грань.

При одном только сможешь пройти и остаться цел:
Если мысли зеркально чисты и прозрачна цель —
Сотня сотен глаз отразит сотню сотен бездн,
Пропадёт Олакрез, заблудится сам в себе»...

ЛОЗА

Слепая нелепая ведьма, смешная колдунья –
Шаманишь, камлаешь, танцуешь у Бога в кармане.
Имеется май – вот и маешься маем, как дурью,
Изводишь себя занимательной магией мая,

Пытаясь вернуться туда, где ещё не зияли
В потоке сознания странные чёрные дыры...
Сегодня ты видела сон – осязаемей яви,
Из тех, за разгадку которых не жалко полмира:
На ворохе облачных шкур в мирозданческом зале
Сидел Сопричастный – с гитарой, в потёртом наряде.
Из третьего глаза змеистые лозы сползали,
Ветвились, вполтались в его золотистые пряди –

И дальше, цепляясь – по венам, по пальцам, по струнам...
Аккорд – фейерверком взорвавшийся лиственный веер.
Он веско сказал: «Осознай, как бы ни было трудно:
Лоза – это ты, воплощение истинной веры.

Твой мир – это храм. Охраняй его хрупкие стены –
Лозой оплетённые камни ветра не разрушат –
Словесными листьями свет отделяя от тени
И соками сил наполняя иссохшие души».

...Безмолвна, лежишь на холме у старинной ограды,
На ливневых струнах вибрируют жизни аккорды...
В тебе прорастает лоза – семицветием радуг –
И чуткими пальцами в землю впиваются корни.

ЕКАТЕРИНА ЯНИШЕВСКАЯ

Салоники, Греция

говорила мне мамочка маленькому солдату
никогда не страдай из-за женщины на войне
потому что все женщины лживы и плутоваты
утопи эту боль в битвах, в смерти или в вине
говорила мне мамочка крошечному японцу
никогда не надейся на помощь, а в беде
прячь глаза, ешь язык, щурься, будто бы светит солнце
так отчаянно, как нигде

говорила мне мамочка пешке слоновой кости
никогда не ищи вражий хлеб и степной приют
а потом они сами к тебе будут рваться в гости,
там убьют.

подарила мне мамочка поцелуев своих агаты
никогда не жалея тех, кто в холоде и плену.
аты-баты.

ты помнишь, как мы когда-то
шли голодные на войну?

послушай мне тоже ведь было двадцать
мир умещался в будёновку, тубетейку
я мечтал занять место гумплена, паяца
городским дураком восседать на скамейках
завещать беззаботным прохожим копики
терять под дождём полотенца и сланцы
неожиданно громко колотить по бутылкам
извлекая из них алкогольные танцы
глазеть как вскипает кофеек в грязной турке
как ломаются шпильки и рвутся колготы
мне было двадцать. я хотел стать придурком

я надеялся вырасти идиотом
я готовился грека возить через реку
галькой бросаться в других идиотов
пока не напялил костюм человека
пока не пошёл на людскую работу
где методом проб, эволюций, ошибок
удобное место нашёл в конце ряда
не то человек с идиотской улыбкой
не то идиот с человеческим взглядом

когда загорелся лес, слетелось столько чудесных птиц.
настоящий птичий базар, колыбельная, спетая наяву
я поправил очки спрятал в волосы monster beats
после навзничь упал в траву
когда загорелся лес, сбежалось столько пушистых лис
столько пухлых младенчиков барсуков, столько белок
запуталось в кудрях густой травы
но уже не хватало сил строить заново проклятый парадиз
копать погреб и рвы
и поэтому радость моя не ешь жёлтый снег и в седле не спи
не кусай заусенцы – беги от себя в поля
докажи теорему ферма рассчитай до конца ряд пи
расскажи нам как вертится выжженная земля
когда увядает цветочек пчеле достается солнечная пыльца
на любимой ноге чулочек ночью рвется не до конца
разори гнездо ворона выкради мне прожорливого птенца
научи его имя мое как знамение прорицать
радость моя не обязательно превращаться в говно
чтобы любила чернь и не тронул таёжный зверь
светлые головы мира сходятся только в одном
доверие значит смерть. не верь никому не верь

ПРОГРАММА
IV МЕЖДУНАРОДНОГО АРТ-ФЕСТИВАЛЯ
«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ – 2014»

29 августа (пятница)

14.00 – Пресс-конференция и открытие Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2014».

(Золотой зал Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2)

16.00 – Презентация литературно-художественного альманаха «Дерибасовская–Ришельевская».

(Всемирный клуб одеситов, г. Одесса, ул. Мафазлиевская, 7)

16.00 – Открытие III Международной фотовыставки «Ловушка для...».

(Выставочный зал Музея им. А. Белого, г. Ильичёвск, ул. Ленина, 30)

30 августа (суббота)

15.00 – Книжная ретроспектива № 1. Презентации книг одесских поэтов: Ирина Дубровская, Сергей Александров, Илья Рейдерман, Людмила Шарга.

(Золотой зал Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2)

16.00. – Творческое объединение «Обочина». «Одиссея».

(Галерея Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2)

17.00 – Творческий вечер поэта и барда Светланы Полининой.

(Большой зал Одесского дома медработников, г. Одесса, ул. Греческая, 20)

18.00 – Музыкально-поэтическое представление под открытым небом на берегу моря «Музыка волн, музыка ветра...»

(кафе «Лунный свет», г. Ильичёвск, берег моря)

31 августа (воскресенье)

12.00 – Книжная ретроспектива № 2. Презентации книг одесских поэтов: Ольга Ильницкая, Юлия Петрусевичюте, Анна Стреминская, Марк Эпштейн.

(Золотой зал Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2)

2 сентября (вторник)

12.00 – Прогулка по Одессе в День города.

3 сентября (среда)

15.00 – Торжественная церемония награждения победителей детского литературного конкурса «Первый автограф».

(Выставочный зал Музея им. А. Белого, г. Ильичёвск, ул. Ленина, 30)

16.00 – «Свободный микрофон». Выступление гостей фестиваля.

(Выставочный зал Музея им. А. Белого, г. Ильичёвск, ул. Ленина, 30)

4 сентября (четверг)

17.00 – Открытие мемориальной доски Марины Хлебниковой (Деминой).

(г. Ильичёвск, Хантадзе, 2)

5 сентября (пятница)

14.00 – Творческий вечер «Поэты фестиваля – авторы журнала «Дети Ра».

(Большой зал Одесского дома медработников, г. Одесса, ул. Греческая, 20)

15.30 – Творческий вечер Дмитрия Артиса (Санкт-Петербург).

(Большой зал Одесского дома медработников, г. Одесса, ул. Греческая, 20)

17.00 – Поэтический вечер гостей и участников фестиваля.

(Выставочный зал Музея им. А. Белого, г. Ильичёвск, ул. Ленина, 30)

18.30 – Творческий вечер Евгении Барановой (Ялта).

(Выставочный зал Музея им. А. Белого, г. Ильичёвск, ул. Ленина, 30)

19.00 – Свободный микрофон.

(Выставочный зал Музея им. А. Белого, г. Ильичёвск, ул. Ленина, 30)

6 сентября (суббота)

10.00 – Праздник цветов и даров природы в Ильичёвске. Открытие Приморской лестницы. Фотовыставки, выставки художников, концертные программы.

(г. Ильичёвск, Приморский парк)

11.00 – Выступления поэтов.

(г. Ильичёвск, Приморский парк)

12.30 – Песок, вода, солнце.

(г. Ильичёвск, Городской пляж)

14.00 – Регистрация участников поэтических конкурсов и приём работ на «Конкурс одного стихотворения».

(Дворец культуры и искусства, Малый зал, г. Ильичёвск, ул. Хантадзе, 7)

14.30 – Конкурсная программа фестиваля и Анонимный конкурс одного стихотворения. Поэтические чтения финалистов в рамках проекта «Videomost.org»

(Дворец культуры и искусства, Малый зал, г. Ильичёвск, ул. Хантадзе, 7)

7 сентября (воскресение)

14.00 – Торжественная церемония награждения победителей фестиваля. Блиц-концерт членов жюри и гостей фестиваля.

(Дворец культуры и искусства, Большой зал, г. Ильичёвск, ул. Хантадзе, 7)

18.00 – Закрытие фестиваля. Поэтри-слэм. Прощальный вечер гостей и участников фестиваля. Музыка и поэзия. Свободный микрофон.

(Концертный комплекс «Метрополис», летняя площадка над морем, г. Ильичёвск)

А кроме того, на фестивале вас ждут:

- Фотовыставка и выставка художников «Провинция у моря»
- Выставка кукол ручной работы
- Книжная лавка писателей
- Буккроссинг (*«Оставь свою книгу с автографом и заведи понравившуюся»*)

«Провинция у моря – 2014»

Листая страницы...

Коротко о главном 3

Оргкомитет арт-фестиваля «Провинция у моря – 2014» и члены жюри поэтического конкурса 8

<i>Евгений Степанов</i>	9
<i>Станислав Айдинян</i>	13
<i>Евгения Баранова</i>	18
<i>Ирина Василенко</i>	23
<i>Сергей Главацкий</i>	27
<i>Ольга Пльницкая</i>	32
<i>Константин Кедров</i>	38
<i>Кирилл Ковальджи</i>	45
<i>Алексей Котельников</i>	52
<i>Ольга Ксенофонтова</i>	58
<i>Мария Луценко</i>	62
<i>Александр Петрушкин</i>	68
<i>Александр Семькин</i>	77
<i>Людмила Шарга</i>	84

**Финалисты поэтического конкурса
«И ляжет путь мой через этот город...»** 90

<i>Алексей Абраменко (Киев, Украина)</i>	91
<i>Ксения Александрова (Одесса, Украина)</i>	93
<i>Дмитрий Артис (Санкт-Петербург, Россия)</i>	96
<i>Александр Асманов (Москва, Россия)</i>	98
<i>Мария Банько (Киев, Украина)</i>	101
<i>Юлия Баткилина (Харьков, Украина)</i>	105
<i>Виктория Берг (Калининград, Россия)</i>	108
<i>Юрий Бердан (Нью-Йорк, США)</i>	111
<i>Любовь Василенко (Керчь, Крым)</i>	114
<i>Дарья Веретина (Мичуринск, Россия)</i>	117
<i>Лев Визен (Виктория, Канада)</i>	119
<i>Анна Галанина (Москва, Россия)</i>	123
<i>Юрий Гельман (Николаев, Украина)</i>	125
<i>Ирина Дежсва (Одесса, Украина)</i>	129

<i>Андрей Дмитриев (Бор, Нижегородская обл., Россия)</i>	132
<i>Павел Златов (Бровары, Украина)</i>	136
<i>Роман Казимирский (Бар, Черногория)</i>	139
<i>Андрей Катрич (Сумы, Украина)</i>	141
<i>Владимир Кац (Одесса, Украина)</i>	144
<i>Роман Кожухаров (Гириполь, Приднестровье)</i>	146
<i>Борис Косенков (Калининград, Россия)</i>	148
<i>Юлия Котлер (Керчь, Крым)</i>	151
<i>Ольга Кочнова (Тверь, Россия)</i>	156
<i>Таня Кузнецова (Москва, Россия)</i>	158
<i>Леонид Кулаковский (Пльичёвск, Украина)</i>	160
<i>Ольга Лебединская (Днепропетровск, Украина)</i>	163
<i>Майка Лунёвская (Берёзовка, Тамбовская обл., Россия)</i>	166
<i>Анна Маркина (Москва, Россия)</i>	169
<i>Анатолий Марущак (Херсон, Украина)</i>	172
<i>Юлия Мельник (Одесса, Украина)</i>	175
<i>Юлия Морозова (Санкт-Петербург, Россия)</i>	177
<i>Наталья Пейсонен (Рим, Италия)</i>	179
<i>Леонид Поторак (Кишинёв, Молдова)</i>	182
<i>Николай Прокофьев (Москва, Россия)</i>	187
<i>Елизавета Радванская (Киев, Украина)</i>	190
<i>Елена Росовская (Одесса, Украина)</i>	193
<i>Тамила Синеева (Киев, Украина)</i>	196
<i>Светлана Салдатова (Москва, Россия)</i>	199
<i>Анна Стреминская (Одесса, Украина)</i>	202
<i>Валерий Сухарев (Одесса, Украина)</i>	205
<i>Юрий Татаренко (Новосибирск, Россия)</i>	208
<i>Лола Ува (Донецк, Украина)</i>	211
<i>Ася Шевцова (Харьков, Украина)</i>	214
<i>Татьяна Шеина (Радошковичи, Беларусь)</i>	216
<i>Екатерина Янишевская (Салоники, Греция)</i>	219

Программа IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2014»	221
--	-----

Літературно – художнє видання

Провінція у моря – 2014

Сборник произведений участников
IV Международного арт-фестиваля
«Провінція у моря – 2014»

Російською мовою

**Редакционная коллегия сборника:
И. Василенко, С. Главацкий, Л. Шарга**

**Фото на обложке – Сергей Гунько
Фотографии в сборнике – Екатерина Гаврилюк**

Підписано до друку з оригіналу макета 25.08.2014

Формат 60x84/16. Папір офсетний

Гарнітура Garamond

Друк - різнографія. Умовн. друк арк. 7,25

Зам.№216

Видавництво: ТОВ «ЕЛТОН»

Свідоцтво ДК №3683 від 27.01.2010

м. Одеса, вул. Преображенська, 11

Надруковано: ТОВ «Гратек»

м. Іллічівськ, вул. Леніна, 30

